

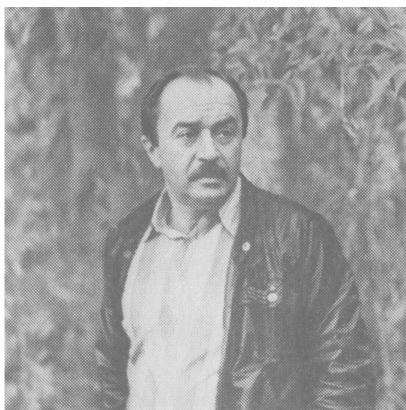
Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

№ 4

1989

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

**БЫЛО ВСЁ
КАК
НА ВОЙНЕ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 4

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

БЫЛО ВСЁ КАК НА ВОЙНЕ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Вадим Викторович Лейбовский родился в 1941 году. После окончания Московского авиационного института работал в НИИ — инженером, начальником сектора.

В печати начал публиковаться двадцать лет назад, а в 1979 году стал профессиональным журналистом. Работал в газете «Советский спорт» (в студенческие годы В. Лейбовский был одним из сильнейших бегунов страны) и в журнале «Огонек». Автор трех книг.

Предлагаемые читателю очерки объединяет одна тема — мужество, поведение человека в экстремальных ситуациях.

ЭХО ПРОЩАЛЬНОГО ГУДКА

В Новороссийске на мысе Дооб, близ того места, где потерпел аварию пассажирский пароход «Адмирал Нахимов», стоит памятник. В центре его — часы. Стрелки запечатлели момент катастрофы — 23 часа 20 минут. Это произошло 31 августа 1986 года.

Мы склоняем головы перед памятью погибших. И говорим о мужестве тех, кто не дрогнул в ту страшную ночь.

Пройдет еще много лет, но трагедия «Адмирала Нахимова» острой болью, тяжелой памятью будет жить в каждом из нас. Мы многое осмыслили и поняли тогда. И не только о причинах происшедшего. Трагедия высветила судьбы и характеры людей.

Этот рассказ — о человеке, который перед лицом смертельной опасности меньше всего думал о себе. Такие люди, как Виктор Габрильянц, помогают нам жить, верить, делают нас добрее друг к другу.

Вспоминаю анапский аэропорт, первых увиденных мной людей, спасенных с «Нахимова». Двух женщин с ввалившимися глазами, дрожащими руками. Их рассказ. Первые имена в моей записной книжке. Первые факты стойкости, самопожертвования. Официантки Таня Чумакова, Саша Пискарева, Вера Федорчук. До последней секунды своей жизни они помогали пассажирам выбираться наверх, отдав им свои жилеты.

Вспоминаю два дня, проведенные на водолазных судах, эту страшную работу отважных парней, большинство из которых столкнулись с ней впервые.

Вспоминаю 15-й причал, куда привозили тела погибших и где глазам предстал истинный масштаб трагедии.

Время лечит. Время позволяет и пристальней взглядеться, неспешно оценить событие, понять его суть, природу. И если сегодня мы говорим о предрешенности катастрофы, то эта мысль, эта убежденность — не от веры в роковую силу судьбы или теории вероятности. Просто сегодня мы честнее, откровеннее смотрим на самих себя, на людей и явления как на продукт печального опыта, системы отношений, сложившихся в прошлом. И потому ставим рядом трагедию Чернобыля, «Адмирала

Нахимова», «хлопковые дела» в Узбекистане и многие другие события, о которых прежде люди могли бы узнавать лишь друг от друга.

Время расставляет все по своим местам и дает истинные, достойные оценки. Но сколько героев так и остаются в безвестности. Сколько подлицов бестрепетно продолжают вдыхать воздух полной грудью.

О Викторе Габрильянце мне в Новороссийске рассказал корреспондент «Огонька» Борис Смирнов. Узнал я тогда о редкостном мужестве этого шофера, тяжело травмированного при столкновении судов и тем не менее спасавшего и спасавшего людей.

Когда спустя год мы встретились с Виктором у него дома в Самарканде, то обнаружили, что в лицо друг друга хорошо помним, просто в той круговерти событий толком поговорить не сложилось. Смирнов же с ним тогда всю ночь просидел. И сказал мне потом: «Мужество его несомненно, но, не будь он спортсменом, не выдержал бы столь чудовищной нагрузки». Сам же Виктор ту оценку уточнил и очертил с обезкураживающей простотой: «Спорт научил терпеть и не бояться».

В семье Аси Егоровны и Александра Яковлевича Габрильянц семеро детей. И все мужчины, что, судя по опыту поколений, предполагает крепость рода. Правда, с этих позиций оценка личности Виктора Габрильянца нуждается в уточнении. На своей мальчишеской улице он всегда был готов постоять за себя и братьев. Но до определенной поры постоять было попросту нечем. И как это нередко бывает, упрямый и самолюбивый нрав, зародившийся в тщедушном теле, привел десятилетнего мальчишку в секцию бокса. Тренировался серьезно, выступал в соревнованиях, обретал силу, ловкость, спортивные разряды, а вместе с тем и жизненную мудрость, все больше понимая, что истинному боксеру опускаться до уличных стычек уже не пристало. Однако это так и не уберегло его от беды. Как знать, до каких высот мастерства и известности добрался бы парень, не случись ему однажды вступить в неравный бой за младшего брата Вадима, которого непонятно за что отделили четверо дюжих молодцов. Виктор дрался отчаянно, неистово и цепко. Но восемь кулаков против двух свое дело сделали: перелом основания черепа. И в пятнадцать лет с боксом пришлось распрощаться.

Горевал он долго. Но небезуспешно. Уже в ту пору потребность к движению стала сродни жажде в знойный самаркандский полдень. Все 24 последующих года, исключая три месяца, проведенные в больнице по возвращении из Новороссийска, он просыпается в 5.30 и проводит интенсивную тренировку. Вечером тоже, но не всегда, порой не позволяет работа. Физкультура высоких нагрузок стала его образом жизни. Каждый день минимум одна тренировка. Ни грамма спиртного, ни одной сигареты за всю жизнь. Считает, что именно высокая спортивность и здоровый образ жизни позволили ему выдерживать огромные нагрузки за рулем. Многие ли шоферы-«дальнобойщики» одолеют на МАЗе расстояние от Москвы до Самарканда — без малого пять тысяч километров — за трое суток? Такая гонка разве что для раллистов. Причем

работал Виктор без сменщика, что имело причину самую прозаическую — желание побольше заработать, разгрузив от надобности заниматься тем же любимую жену, чтоб не только было легче двух дочерей поднимать, но еще и жить в свою радость.

Виктор и на «Нахимове» соревновался и побеждал. За сутки до трагедии на пароходе провели конкурс «Мамы нет дома». Разумеется, для мужчин. В борьбу вступили самые отважные: согласитесь, кто из отцов семейств пойдет на добровольную смелость явить собой хорошую «хозяйку» и заботливую «маму»? Виктор же и бровью не повел, все в его руках искрилось и пело — сковородки, кастрюли, щетки, куклы, пеленки. И победил за явным преимуществом.

И вот пришел тот день, наступил тот вечер. Пароход стоял в Новороссийске, готовился к отплытию. После ужина на верхней палубе была встреча с ветеранами войны. Виктор с Галиной сидели в первом ряду. Слушая рассказы седых бойцов, даже не заметили, что пароход уже плывет. Кончилась встреча, начались танцы. Виктор отошел к борту и, глядя в темноту, вспоминал рассказы отца, прошедшего всю войну.

И вдруг — он не поверил глазам своим! — из темноты все ясней и отчетливей стал проступать и стремительно надвигаться на них злоеющий черный контур какого-то огромного судна.

Он понял: беда неотвратима! Галина?! Она где-то здесь, рядом, среди людей, у которых шанс спастись непременно будет. Дочери? Они в каюте, к тому же на самой нижней палубе.

Он помчался вниз, призывая людей приготовиться к удару, к спасению. Он знал, что сейчас начнется паника, отчего выбраться наверх будет еще трудней. К тому же «Нахимов» — судно старое, немыслимо сложное по планировке помещений и коридоров, сущий лабиринт, в котором порой блуждали и члены команды.

Виктор мчался вниз, понимая, что самое главное сейчас — расчетливость. Столкновение произошло в тот момент, когда он был у каюты № 127 и, стало быть, в нескольких метрах от их, 123-й. От сильного удара по голове он потерял сознание. Когда очнулся, с удивлением обнаружил себя у самой двери своей каюты, значит, в эти секунды он полз. Бессознательно, но полз! Кто объяснит это?

Виктор встал, взялся за ручку двери. Но дверь не поддавалась. Он ударил, потом еще и еще, все сильнее и сильнее. Но ничего не вышло, дверь заклинило намертво.

Решетку в нижней части двери он выломал сразу. Пролез в каюту. Дочери словно ждали его. Он помог им выбраться в коридор. Но когда вслед за ними вылез сам, вспомнил про оставшиеся в каюте спасательные жилеты. И проклял себя! Снова пролез в каюту и стал искать жилеты. Теперь уже в воцарившемся мраке. Один. Другой. Третий? Где третий?.. Шкаф с третьим жилетом не открывался, но Виктор несколькими ударами сорвал дверь с петель. И снова нырнул в проем, туда, где его ждали дочери. Предстоял путь наверх, на палубу.

Коридор уже был залит водой. В каютах — ни одного кондиционера, поэтому все иллюминаторы были открыты, это ускорило гибель судна. Сколько ему оставалось держаться на плаву, Виктор не знал, но четко понимал, что счет идет уже на малые минуты, что теперь любое промедление — смерть! Лимит его ошибок был исчерпан. Ни одного опрометчивого шага в темном лабиринте он не имел права сделать. И не сделал.

...Как-то в одной из квартир их самаркандского дома раздался резкий звонок, который разбудил 12-летнего Атабека Ишанкулова. Мальчику спросонья что-то померещилось, и он, перепуганный насмерть, выпрыгнул в окно. С третьего этажа Виктор в ту минуту был во дворе, метрах в десяти от дома. Но успел подскочить и поймать Атабека. Те, кто видел это, пытались потом воспроизвести ситуацию, просчитывая ее вновь и вновь. И — не сходилось! Все дело в том, что в критической ситуации человек способен творить чудеса. Но — редкий человек.

Наверху Виктор обнаружил, что пароход уже сильно накренился, и повел дочерей к «высокому» борту. Оставалось надеть им жилеты. Жилеты заведомо наглухо застегнутые. Жилеты, с которыми он не умел обращаться, потому что учебные тревоги на пароходе не проводились. Нахлобучив на младшую дочь сверху, как рубашку, первый жилет, он повернулся к старшей и вдруг обнаружил, что Анджела потеряла сознание. Но ухитрился надеть жилет и на ее хрупкое тело. Оставался третий жилет — для Гали. Он выкрикнул ее имя. Еще и еще несколько раз. Но чуда не произошло.

Больше ждать было нельзя. Виктор крепко ухватил девочек и прыгнул. С какой высоты? С семи, с десяти метров? Не знаю, никто не знает. Трудно представить себе, как он не выпустил из рук ни Анджелу, ни Лауру. Выпускать было нельзя потому, что потерять их в темноте ничего не стоило, а пароход был готов вот-вот пойти ко дну и потащить за собой в воронку людей на воде. Именно поэтому Виктор стал быстро отплывать от парохода. Увидел плот. Посадил на него Лауру, а Анджеле, которая уже пришла в себя, наказал оставаться пока на воде, крепко держаться за плот и следить за сестрой.

Он не испытывал ни страха, ни волнения. Он еще не знал, что получил тяжелое сотрясение мозга, в эти минуты он не чувствовал ни боли, ни головокружения. Все чувства и ощущения исчезли, подчинившись ритму действий.

И вот пароход с тяжелым всплеском ушел на дно, увлекая за собой многих, оказавшихся от него поблизости. На какое-то мгновение стало тихо. Те, кто остался на воде, вдруг явственно поняли, что произошло, и потому замерли, в этот момент еще больше осознав всю уязвимость, сомнительность своей целостности, даже ее нереальность. У человека, чудом увернувшегося от смерти, нет сил на ликование: сознанием, памятью он все еще остается там, за порогом небытия, и свое избавление воспринимает отстраненно. Я не утверждаю это, но рассуждаю почти умозрительно.

но, однако, полагая, что Виктор Габрильянц соткан, слеплен иначе. Или пусть даже так же, но в эти минуты его самого словно и не было вовсе. Была жизнь дочерей, жизнь других людей. Они были где-то здесь рядом, они продолжали бороться за свою жизнь, и он должен был прийти им на помощь.

Он увидел на воде детскую головку и вдруг узнал Оксану из Кировограда, с которой на пароходе подружилась Лаура. Он бросился навстречу Оксане и, обнаружив на ней жилет, немного успокоился. Но что это? Голова ее, странно дернувшись, скрылась под водой, потом показалась на поверхности. Оксана что-то кричала, захлебываясь. И тут Виктор увидел за ее спиной мужчину, который, вцепившись в плечи девочки, пытался стянуть с нее жилет. Виктор вырвал ее, крепко ухватил и подтащил к плоту. Снял с нее жилет и швырнул подонку...

Да, люди познаются в несчастье. Кто-то спасал других. Были и такие, кто спасал любой ценой только себя. Но был факт еще более страшный. В эти минуты начальнику Новороссийской группы аварийно-спасательных и подводно-технических работ Черноморского пароходства Е. М. Лаухину позвонили домой из диспетчерской порта и сообщили о случившемся. Он выбежал на улицу. Увидев стоящее такси, открыл дверь и сказал водителю, что ему нужно срочно в порт. В такси только что села женщина и шофер ответил, что сначала отвезет ее. Лаухин объяснил, кто он и в чем дело. Но водитель повторил: «Сначала отвезем женщину». Лаухин настойчиво разъяснил: «Гибнет пароход, на котором более тысячи пассажиров, от меня зависит ввод в действие спасательных средств. Я прошу, я требую!» И услышал: «Да пусть хоть все потонут, мне-то какое дело!» Больше Лаухин спорить не стал. Подумав, что другое такси он вряд ли быстро поймает, сел в машину. В порт он прибыл на 10—12 минут позже, чем мог бы.

Эту историю нам с Борисом Смирновым рассказал сам Евгений Михайлович на шестой день после случившегося. Мы спросили его: «Вы сообщили кому-нибудь об этом?» «Нет,— ответил он,— есть дела поважнее. С того дня я еще ни разу не был дома. Однако номер машины записал, вот он.»

Мы написали письмо в Правительственную комиссию, изложили эту историю. Вскоре получили ответ из Новороссийского горкома партии, где сообщалось, что водитель таксомотора автоколонны № 1490 А. Лопатин по рекомендации дисциплинарной комиссии приказом начальника автоколонны отстранен от работы на легковом такси. Что его поступок обсужден на рабочих собраниях в подразделениях автоколонны.

Надо нам знать о том, что есть и такие люди. А может быть, всего один человек во всем городе, где каждый советский и партийный работник, каждая семья приняли чужое горе, как свое личное. Большого человеческого участия, лучшей организации работ по оказанию помощи

пострадавшим, чем я видел в те дни, представить себе невозможно. Спасибо вам, новоросийцы!

...Поблизости качались на волнах еще пять плотов с людьми. Удивительно, но именно с той минуты, когда произошло столкновение судов, поднялся ветер, который теперь лишь усиливался, раскачивая плоты все сильнее и сильнее, стремясь отогнать их дальше от берега. От не столь уж далекого маяка на мысе Дооб. И тогда Виктор прокричал:

— Мужчины, кто может держаться на воде! Нам нужно сцепить плоты, чтоб не унесло в море.

И сам принялся за это дело. Затем снова и снова бросался в темноту на чьи-то крики... Какая-то женщина уже готова была скрыться под водой, и он поплыл к ней.

— Потерпи, миленькая, — насколько возможно спокойно сказал Виктор. — Тут недалеко до лодки, вон она к нам гребет, там тебя ждут... Спокойно, все будет хорошо... вот так... Расслабься... совсем расслабься, доверься мне... Ну, вот и умница...

Тут только он обнаружил, что женщина беременна. Она слабо оперлась на его плечи, как вдруг вся обмякла. Однако Виктор мгновенно сгруппировался, развернулся, успел схватить женщину и поднять ее голову над водой. Через две минуты она была уже в лодке... Так получилось, что в эту ночь он спасал только женщин.

Потом все провалилось в памяти, растворилось в темноте. Он вдруг обнаружил себя и дочерей в помещении морского вокзала, увидел сотни спасенных людей. Какой-то человек стоял у стены в мокрой, грязной и изорванной одежде. Стоял, крепко сжимая обеими руками спасенный личный чемодан, который, наверное, занял на плоту или лодке чье-то место. Чемодан — против жизни человеческой!

Мимо прошел капитан «Нахимова» Марков. Абсолютно сухой. Признаться, об этом странном внешнем виде капитана мне довелось услышать еще в Новороссийске. Тогда я не поверил этому. Но теперь, когда состоялся суд, когда мы узнали многое о личности Маркова, верю. Это было так: капитан парохода в сухой одежде.

Оксана из Кировограда, бледная и дрожащая, все прижималась к Виктору и шептала: «Мама, мама...»

Галина?! Где ты? Он бродил по вокзалу, вглядываясь в каждое лицо. Ее не было.

Ему и дочерям предложили поселиться в гостинице «Черноморская» — штроем. Он сказал: «Нет, только вчетвером, Оксана поедет с нами». И шепнул своим девочкам: «Это теперь ваша сестра».

Анджела посадила Оксану к себе на колени, кто-то накинул на нее одеяло, а Виктор перед отъездом в гостиницу решил еще раз пройти по вокзалу. И когда увидел Галину, потерял сознание.

Через несколько минут Галину повезли в больницу, хотели отправить туда и Виктора. Нет, он не мог себе этого позволить. И поехал с девочками в «Черноморскую».

Тяжелая ночь висела над Новороссийском. Город не спал.

Но это был еще не конец истории. Потому что со следующего утра, навестив в больнице жену, Виктор занялся поисками своих земляков-самаркандцев, коих на борту парохода было 27 человек. Каждый день он отправлялся на 15-й причал, куда привозили поднятые с затонувшего парохода тела.

Спустя сутки после трагедии в Новороссийск прилетели братья Виктора — Яков, Александр и друг Абдулла Адылов, которые вскоре увезли Анджелу и Лауру.

А мама Оксаны нашлась, ее спасли. Все, кто был прямо или косвенно связан с Виктором в этой истории, остались живы. Поразительно, но так ли уж необъяснимо?!

Он отказался от новой одежды, от денежной компенсации за пропавшие вещи, не взял у государства даже денег на обратную дорогу. «Судьба подарила нам жизнь, — сказал он. — Что может быть дороже!»

Перед расставанием с дочерьми, братьями и другом пошли на берег. Виктор разделся, бросился в воду и поплыл. Это было мучительно трудно, но он должен был это сделать, должен был успокоить их: «Не думайте обо мне, я справлюсь теперь сам».

Только через три недели, когда выписали из больницы Галину, они вернулись в Самарканд. Был большой праздник «матах» на их улице Лахути, древний армянский праздник избавления от смерти. Грустный праздник, потому что десять самаркандцев не вернулись домой.

В ту ночь Виктор наконец заснул. Впервые после катастрофы. А утром его отвезли в больницу, потому что сам подняться он уже не мог. Теперь он имел на это право. В больнице пролежал три месяца.

Его по-прежнему мучают головные боли. Не может заниматься гирями и штангой, не может долго и тяжело работать. Но верит, что все вернется, ведь 39 лет — это сущий пустяк.

Каждый день в 5.30 он выбегает из дома. Знает, что тренировки — единственное, что вернет ему былое ощущение полноты жизни. И пусть будет так.

Новороссийск — Самарканд — Москва

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ?

Долгое время его имя было известно, пожалуй, только людям, интересующимся спортом. В середине семидесятых годов в газетах нередко появлялись сообщения о победах Шаварша Карапетяна на европейских и всесоюзных чемпионатах по скоростным видам подводного плавания, о его мировых рекордах. Потом о нем перестали слышать — он закончил спортивную карьеру. К слову сказать, и два института.

И вот в октябре 1982 года в «Комсомольской правде» появилась статья «Подводный бой чемпиона», рассказавшая об удивительном поступке Шаварша, о мужестве, проявленном уже не на водной дорожке бассейна. Мчавшийся по берегу ереванского водохранилища переполненный троллейбус неожиданно резко свернул вправо и, рухнув с высокой дамы, ушел глубоко под воду. Оказавшийся поблизости Карапетян бросился на помощь пострадавшим и спас двадцать человек. На самом деле он вытащил больше, просто не всех удалось вернуть к жизни. Шаваршу помогал наверху его брат Камо, тоже известный спортсмен-подводник.

Это событие произошло 16 сентября 1976 года. Шаваршу в ту пору было 23 года, он еще активно тренировался и выступал в соревнованиях.

Как же появились первые строки о Карапетяне?

В августе 1982 года в московском дворце «Олимпийский» проходили соревнования очередного чемпионата мира по скоростным видам подводного плавания. Корреспондент «Комсомольской правды» Сергей Лесков, готовя свой очередной репортаж, поинтересовался у одного из тренеров, приходится ли порой спортсменам-подводникам применять свои навыки в повседневной жизни? Тот ответил:

— Я слышал, что Шаварш Карапетян кого-то спасал из упавшей в воду машины. Впрочем, возможно, я что-то путаю. А вы спросите об этом у самого Шаварша. На дорожке он уже не выступает, но сейчас находится в Москве в командировке. Я видел его сегодня на трибуне.

Однако на расспросы Лескова Шаварш сухо ответил, что никакой истории не было. Извинился и, сославшись на предстоящий интересный заплыв, ушел на трибуну. Лесков все же не успокоился и обратился к бывшему тренеру Шаварша Липариду Алмасакиану... Еще через два дня Лесков вылетел в Ереван.

На звонок в квартиру, где согласно полученной справке должен был проживать Шаварш Карапетян, дверь никто не открыл. На другой день — тоже. Вот уже два года Шаварш, получив эту квартиру, не мог найти время заняться ремонтом и жил пока то у своих родителей, то у родителей своей жены Нелли. Тогда корреспондент разыскал адрес родителей своего будущего героя. Дверь открыла мама Шаварша — Асмик Карапетовна. Узнав, в чем дело, ответила, что сына дома нет, а когда будет, неизвестно. Можно ли зайти завтра? Да, конечно.

Вскоре Шаварш позвонил к родителям, и мама сказала ему, что приходил корреспондент «Комсомольской правды», интересовался ТОИ историей, хочет написать о ней. Сын долго молчал. Потом сказал:

— Я не хочу этого вспоминать. Скажи ему, что меня нет в Ереване. Я не ждал этого визита, в Москве мы ни о чем не договаривались.

— Но как же быть, Шаво? Человек специально приехал из Москвы. Неужели он должен вернуться ни с чем? Что он скажет в редакции? Ты же всегда уважал чужой труд.

— Я понимаю, мама. Но это особый случай. Извини меня. Извинись и перед корреспондентом. Но я не могу об этом говорить.

На другой день Асмик Карапетовна разыскала по телефону сына и сказала:

— Этот парень будет ждать до тех пор, пока ты не появишься, он так решил. Что делать? Мне так жалко его.

— Хорошо, — вздохнул Шаварш, — сегодня вечером я приеду.

Шаварш скупно рассказал Лескову о происшедшем, повторив многое из того, о чем тот уже знал от Алмасакяна. Корреспондент остался в Ереване еще на несколько дней. Встретился со свидетелями трагедии. 12 октября была опубликована статья. В этот день «Комсомольскую правду» рвали из рук. Во всей стране.

Вечером, вернувшись с работы, Шаварш застал жену плачущей. На столе лежала газета.

— Неужели это правда?

— Да.

— Почему же ты ничего не рассказывал мне? Почему я ничего не знала?

— Это случилось так давно... К тому же у нас были более интересные темы разговора. Да и к чему вспоминать?

Но не вспоминать нельзя!

...Шаварш остановил машину у дамбы. Мы вышли.

— Здесь, — сказал он.

Было солнечно и жарко, совсем не как в тот далекий холодный осенний день. Безмятежно и весело шныряли байдарки детской спортивной школы, то и дело пересекая ЭТО МЕСТО. Может быть, мальчишки и вовсе не знали, что именно здесь без малого восемь лет назад произошла страшная трагедия, одним стоившая жизни, а для других обернувшаяся неправдоподобным спасением.

Память наша пристрастна и нелогична. Мы умеем помнить обиды и иногда бессознательно не оставлять места благодарности. Однако можно ль не отыскать ту руку, что простерлась к тебе в жуткий миг, когда сердце едва выстукивало последние удары, а надеяться было уже не на что и НЕЧЕМ, потому что сомкнулась вода и нить, связывавшая твое сознание с реальностью, порвалась? Можно ль не отыскать ту руку, что-бы просто прикоснуться к ней щекой?

Мы молча стояли у воды, и я уже явственно представлял себе картину происшествия, дополненную теперь множеством новых подробностей.

Шаварш и Камо заканчивали двадцатикилометровую кроссовую тренировку: семь кругов вокруг водохранилища. Оказывается, Шаварш нес двадцатикилограммовый мешок с песком на плечах — для нагрузки. Оказывается, троллейбус упал в ста метрах от спортсменов и утонул в 25—30 метрах от берега, а там глубина около десяти метров. Оказывается, температура воды была 12—13 градусов, что на 12 градусов ниже

«рабочей» температуры спортсменов-подводников, к тому же разгоряченных изнурительным бегом.

Полтора десятка секунд бега. Полтора десятка секунд на решение. Мыслям, ЧТО делать, места не было, на то существовала ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТЬ, сформированная всей жизнью. За эти полтора десятка секунд предстояло выбрать из нескольких молниеносных решений, КАК делать, — лучшее, Шаварш четко представил себе, что ошибка, как и промедление, не подобна смерти, но смерть. Сколько людей оказалось сейчас под водой, он не знал. Впрочем, это уже не имело значения.

Он велел Камо оставаться на поверхности воды, а сам устремился вниз. Сквозь стенки стеклянного гроба различил едва двигавшиеся тени. Ногами разбил стекло, выплыл внутрь...

Владимир Самсонович Карапетян находился на работе, когда кто-то крикнул в окно: «С дамбы в воду упал троллейбус!»

Отец мчался в машине, зная, что в эти минуты Шаварш и Камо там. «А если так, — думал отец, — они пойдут в воду». Когда он сквозь плотное кольцо людей прорвался к дамбе, Шаварш поднял второго человека и крикнул: «Акваланги!»

Акваланги тут же нашлись. Но в них не оказалось воздуха. Не было и загубников. Это стоило жизни минимум десятерым.

...Мать братьев Карапетян Асмик Карапетовна — женщина с глазами красивыми, пронзительными и печальными. Мне видится в этих глазах печать той трагедии. Даже сейчас, спустя столько лет, она вспоминает о ней так, будто все это произошло вчера.

— Я человек жесткий, — говорит мать. — И на работе, и дома. Никогда никаких поблажек дети от меня не знали. Муж совсем другой. Он сама доброта.

И вот отец стоял на берегу и каждый раз уходил с Шаваршем под воду. Он видел, что тело сына истерзано осколками оконного стекла, знал, что одна только потеря крови может в любой момент стоить ему жизни. Молчание отца было благословенным, оно было страшнее и громче предсмертного крика... Отец знал: эту работу во всей Армении мог выполнить только его сын.

Еще я узнал, что один из спасаемых, как только Шаварш коснулся его, бессознательно вцепился в своего спасителя, силы которого были уже на исходе. Что в следующий раз Шаварш на дне потерял сознание и лишь профессиональная подготовка вернула ему способность к дальнейшим действиям. Что на каком-то из подъемов он наткнулся на чьи-то ноги и едва из них выпутался: оказалось, это один осводовец решил прыгнуть в воду, да плавать едва умел. Что троллейбус был поднят на поверхность через 44 минуты после катастрофы и опять же с помощью Шаварша, который, в последний раз уйдя под воду, завел трос через салон троллейбуса.

Что полтора месяца он не приходил в себя: заражение крови, жесточайшая пневмония и сильное нервное истощение. Что, выздоровев, он вернулся в большой спорт, да как — сумел установить еще один мировой рекорд: в плавании на четыреста метров с аквалангом (в котором был воздух). Что последствия того происшествия Шаварш ощущает по сей день: постоянные приступы кашля и сильнейшая аллергия к воде, находиться в которой он не может более четырех минут, — все тело покрывается густыми красными пятнами и сковывают судороги. Трудно себе представить, как он тогда вернулся в спорт. Но так было!

Шаварш плыл к своему последнему мировому рекорду с моноластой новейшей конструкции, разработанной Владимиром Самсоновичем Карапетяном и получившей затем всеобщее признание, принятой на вооружение нашими и зарубежными спортсменами-подводниками. Чтобы вернуть Шаво в большой спорт, в большую жизнь, самый младший из братьев, мастер спорта Анатолий Карапетян, который в день трагедии на водохранилище сдавал экзамены, оставил выступления на дорожке и целиком посвятил себя тренерской работе с братом. Уверен, что для полноты объяснения поразительных дел Шаварша Карапетяна все это имеет значение отнюдь не второстепенное. На Марсе яблони не цветут — не с чего, не на чем.

Дед Шаварша, Самсон, однажды спас мальчика, затянутого в бурлящий круговорот холодной горной речки. Это было трудно и опасно. Владимир Самсонович часто рассказывал о том случае детям. Сам же он, как считает, никаких значительных поступков не совершал. Но ведь вся жизнь состоит из поступков. Больших и малых.

Лет пятнадцать назад Владимир Самсонович работал главным механиком дорожно-строительной организации. Как-то на одном из участков дороги с откоса рухнул экскаватор. Машинист не пострадал, машина как будто тоже была в порядке, но отнесло ее далеко от дороги и вытащить, казалось, почти невозможно. Неудачник был в отчаянии, и тут один лихой молодец согласился помочь, но не бескорыстно. Однако нарисовал такую сумму, что машинисту — хоть по миру иди. Владимир Самсонович, узнав про все, подогнал два бульдозера и кран. Подготовили дорогу, и через несколько часов экскаватор затарыхтел своим ходом. Шаварш все это видел и знал, что отец отказался взять даже рубль. Но сын ничуть не удивился. Удивление имело б место, если бы рубль был взят. Это Карапетяны. Это нормально.

И вот в феврале 1985 года в «Литературной газете» я прочитал короткую заметку Зорян Балояна, в которой сообщалось, что Шаварш Карапетян находится в реанимационном отделении больницы «Скорой помощи». На следующий день я вылетел в Ереван...

Та зима не щадила Армению. Впрочем, жителям республики это было не в диковинку, две предыдущие зимы тоже не баловали. Вымерзли целые плантации абрикосов и даже винограда. Холодные ветры то и дело сменялись густыми снегопадами, заносило дороги.

Уходя на работу, Шаварш сказал Нелли, что, возможно, заедет пообедать. Когда? Нет, Нелли не спросила, знала, как непросто идут дела на объекте, пропадал там Шаварш подолгу. Да не только там, мотался по всему городу.

...Прошло, наверное, минут пять после начала рабочего дня, когда кто-то из сотрудников, заглянув в кабинет Карапетяна, сказал:

— Кажется, горит Дворец спорта.

Шаварш вышел на улицу, постоял, посмотрел.

— Не похоже на пожар, ребята. Скорее всего это жгут строительный мусор или, возможно, гудрон разогревают.

Он вернулся к себе и снова углубился в бумаги. Однако не прошло и минуты, как уже через стену услышал возбужденное: «Пожар!» Шаварш опять вышел на улицу и понял: да, это пожар.

В 9 часов 11 минут поступил первый вызов на центральный пункт пожарной связи. Тут же «вызов три» — сигнал максимальной тревоги — был послан во все пожарные части Еревана. В 9 часов 16 минут на вершине горы Цицернакаберд остановилась первая пожарная машина. Профессионалы тут же оценили обстановку — пламенем было охвачено несколько тысяч квадратных метров площади. Положение усугублялось ураганным ветром. Горели сцена, кресла, стены, комментаторские кабины.

Шаварш мчался через дорогу, а потом по длинной лестнице, ведущей к Дворцу спорта, досадуя на себя: «Надо же, по собственной глупости потерял несколько драгоценных минут». Еще он подумал о том, что почти незнаком с планировкой комплекса, был там лишь однажды. Дворец построили недавно, да и то пока не полностью — кое-какие отделочные работы еще велись. Однако Дворец уже жил, работал. И — восхитал.

Пока подошла лишь одна пожарная машина. Она остановилась у центрального входа, и пожарные раскатывали рукава. Шаварш побежал дальше, к левому крылу сооружения, поняв, что там еще никого нет.

Из распахнутой двери пламя било с гулом и свистом, как из огромного сопла. Рядом он увидел чуть приоткрытые ворота для въезда машин. Дым валил и оттуда, но огня не было. Вскоре подоспели такие же, как и он, добровольцы. Неизвестно откуда появился пожарный рукав. Подключили воду.

— Давайте на меня! — сказал Шаварш.

Его сначала не поняли. Тогда он взял рукав и направил струю воды на себя. Теперь можно было идти. Что там за пеленой дыма, за воротами, которые готовы были вот-вот заняться пламенем? Наклонив голову, он вошел внутрь. Его сразу же обдало нестерпимым жаром, по глазам резануло едким дымом. Он прошел шагов десять. Потом еще десять. Увидел, нет, скорее нащупал несколько ступенек лестницы, поднялся.

Лестница скоро кончилась. Дальше была сплошная завеса пламени, перекрывшая вход в спортивную часть комплекса.

Обернувшись, Шаварш увидел рядом еще двух парней. Таких же безоружных перед огнем, как и он. Рукав они пока не потянули, нужно было выяснить обстановку.

— Можно войти через соседний вход, — сказал один из них, — оттуда, кажется, есть доступ в зал.

Выбежав на улицу, они увидели еще три машины. С обеих сторон подъезжали другие, пожарные быстро приступали к делу.

Весть о случившемся неслась по городу. Отовсюду к Дворцу мчались люди — сотни, тысячи. Однако милиция вовремя оказалась на месте и Дворец был наглухо оцеплен: неорганизованный штурм мог бы стоить жизни многим. Люди стояли перед кордоном и умоляли пропустить их. Среди них был и Владимир Самсонович. Сердце ему подсказывало: «Шаварш там». Но, приехав к месту происшествия, он так сына и не увидел.

Пламя разгоралось все сильнее. Даже со стороны было видно, что ни людей, ни техники пока не хватает. И тогда командование пожарной охраны разрешило пропустить человек десять. На большее не рискнули. Но как только цепь оказалась на мгновение разомкнутой, человек тридцать сумели прорваться внутрь.

Тем временем Шаварш взял тяжелый рукав и вновь вошел в здание. Вошел вместе с пожарными и другими добровольцами. На этот раз им удалось проникнуть в зал. Снова обдало сильнейшим жаром и запахом угарного газа. Только на этот раз к нему применивался какой-то другой — незнакомый и еще более ядовитый запах. Как потом выяснилось, это горели синтетические стулья трибун и изоляция кабельных сетей.

Пылала сцена, а над ней — огромное электронное табло «Электромпекс», незадолго до этого смонтированное венгерскими специалистами. Дворец готовился к приему участников крупнейших международных соревнований по тяжелой атлетике.

Рядом грохнуло что-то тяжелое. Это с потолка упала вместе с арматурой огромная осветительная лампа. Чуть поодаль раздался еще взрыв. Лампы продолжали падать.

Пожарных здесь было уже много. Они раскатывали все новые рукава брандспойтов, вскрывали отбойными молотками люки, срывали портьеры, декоративные панели, плакаты — все, что могло служить пищей для огня. Сто двадцать профессионалов работали на объекте. И несколько десятков добровольцев — точно это число так никто и не узнал. Шел второй час битвы.

Шаварш направил струю воды на сцену. Очистив часть ее площадки, он поднялся на сцену. Двое помогали ему тащить рукав. Один из них сказал:

— Теперь дай мне, ты устал. Иди отдышись.

Чувствуя все нарастающее головокружение, Шаварш понял, что нужно действительно выглянуть на улицу, и уступил рукав. Но парня, который его принял, хватило ненадолго, столь тяжел был рукав и огромен напор воды. Увидев это, Шаварш вернулся и снова пошел на огонь. Голова кружилась все сильнее. Он задыхался.

— Иди на улицу и продышись! — это уже пожарный крикнул ему. Крикнул резко, почти со злобой. — Иди немедленно, ты еще будешь нужен!

Но долго пробыть на воздухе он не смог. Огонь пожирал сооружение. Текли минуты, ждать больше было нельзя. Шаварш увидел оставленную кем-то каску. Нахлобучил, но она оказалась слишком мала. Другой не было, а эту пришлось оставить.

Жара все усиливалась. Многих пошатывало. Люди все чаще выходили на воздух. Брандспойты приходилось держать втроем, вчетвером. Напор воды неожиданно резко возрос — в городе отключили воду, теперь весь водопровод работал на пожар.

Выйдя в очередной раз на улицу, Шаварш увидел группу людей, которые что-то горячо разясняли начальнику пожарной команды и другим офицерам. Подойдя поближе и прислушавшись, Шаварш понял, что это архитекторы. Из их слов он уяснил, что наибольшая опасность таилась в распространении огня на крышу. Она была покрыта гудроном, а горит он сильно. Крыша — несущая конструкции, и, если она рухнет, Дворец спорта погибнет.

Шаварш подумал, что проникнуть под крышу можно, но нужен противогаз, там наверху сильное скопление угарного газа. Шаварш тогда не знал, что угарный газ — это еще не самое страшное. Самым ядовитым был другой — от горения синтетики. Газ, лишивший жизни двух рабочих Дворца, рвавшихся сквозь не пробиваемый даже мощными прожекторами душный мрак и упавших в каких-нибудь десяти метрах от спасительного выхода.

— Я пойду под крышу, — сказал Шаварш подполковнику пожарного управления. — Но дайте мне противогаз.

— Не могу, — ответил тот. — Не имею права.

— Я спортсмен-подводник. Много работал с аквалангом. Это почти тот же противогаз или, точнее, кислородный изолирующий прибор.

— Все равно не могу. Не положено по инструкции.

Что было делать? Находился ли кто-нибудь из пожарных под крышей, Шаварш не знал, Дворец огромен, а огонь полыхал повсюду. Время торопило, нужно было принимать решение.

Он обернулся к парню, с которым вместе тушили электронное тбло и сцену. Позже Шаварш узнал его имя: Алексей Сафарян, инженер по технике безопасности треста «Армподъемстрой» (кому как не ему было оценить реальную опасность создавшейся обстановки?). Шаварш спросил его: «Ты пойдешь?» Тот молча кивнул.

На следующий день Алексей расскажет Владимиру Самсоновичу про 14—15-летних мальчишек, которые оказались на пожаре случайно — прогуливали школьный урок. Расскажет про то, как они, облачившись в противогазы (сумели-таки выпросить их у других офицеров пожарного управления), отважно бились с огнем, рискуя жизнью и здоровьем. На следующий день Алексей признается отцу Шаварша:

— Я в жизни человек не очень решительный. К тому же привык всегда и во всем сомневаться. Вот думал, что и в той истории с затонувшим троллейбусом что-то преувеличено. Не мог, казалось мне, совершить такое один человек, пусть даже и мировой рекордсмен в подводном плавании. Но теперь я своими глазами увидел, на что способен ваш сын. Он вдохновлял всех, кто был рядом. Вдохновлял не словами — делом. За ним пошли другие. И многие пожарные тоже, они ведь такие же люди, как и все. И нам уже не было страшно.

Шаварш и Алексей полезли по высокой лестнице, подведенной к стене сооружения под самый козырек. Там Шаварш увидел какую-то стеклянную дверь, ногами вышиб стекло, проник внутрь. С ними поднялся один пожарный.

Тени и блики мелькали перед глазами. Что было реальностью, а что галлюцинацией, приходилось лишь догадываться. Надо было быстро и точно рассчитывать каждый шаг, чтобы не оступиться, не упасть, не оказаться в пламени. Нередко в минуту наивысшей опасности страх отступает — как тогда, на водохранилище. Однако на этот раз Шаварш чувствовал нарастающий страх. Может быть, теперь, спустя восемь лет, в нем проснулось и ожило с удвоенной силой обманутое тогда чувство самосохранения. У всякого есть это чувство, и, борясь с разумом и волей, оно нередко побеждает. Но Шаварш знал сейчас лишь одно: оно не должно победить. А значит, нельзя было ошибаться. Но все-таки он ошибался.

Шаварш медленно продвигался вперед, теперь уже ничего не видя в сплошной дымной мгле. Наступил на какую-то балку и, провалившись, начал падать. Однако был ловко подхвачен пожарным. Рукав, который тащил Шаварш, казался все тяжелей и тяжелей. Сил оставалось совсем чуть-чуть.

Видя это, пожарный сказал ему: «Дай рукав мне». Но и сам стоял нетвердо, и дергающимся рукавом его тут же отбросило в пламя. Шаварш успел подхватить брандспойт и направить поток воды на пожарного.

Тот быстро пришел в себя и крикнул Шаваршу: «Здесь должно быть окно... Нужно открыть... Иначе конец... Воздух нужен!» Но Шаварш ответил: «Нельзя, это раздует пламя». Однако пожарный не послушал. Видимо, он оказался прав. Дышать стало легче. Они все-таки успели потушить участок и вернулись на улицу. С тем чтобы через несколько минут вновь пойти под крышу.

На этот раз они с Алексеем направились туда изнутри — по боковым ступеням трибун. Пошли в двухсотградусное пекло, до предела насыщенное тяжелыми газами... Это было последнее, что вспомнил потом Шаварш. На улицу его вынес какой-то милиционер.

...Шаварш очнулся в незнакомой машине. Спросил шофера, куда его везут. Узнав, что в больницу, сказал: «Не нужно». С трудом вспомнив адрес тещи, назвал его. Знал, что Нелли с детьми сейчас там. Ему надо было увидеть их...

Нелли, конечно, уже знала о пожаре во Дворце. Однако, увидев из окна подъехавшую машину и мокрого, грязного, оборванного мужа, поначалу решила, что, видимо, он попал в автомобильную аварию. Но Шаварш вошел сам, и это ее успокоило: жив, цел, а остальное неважно. Однако почему у него покрытое копотью, абсолютно черное лицо и такие воспаленные глаза? Почему от него так пахнет дымом? И поняла: он был там! Да, да, он работает неподалеку, и значит он снова не мог остаться в стороне. Такова его судьба, его удел!

Вошедший вместе с ним шофер рассказал все, что знал. Шаварш тем временем, задыхаясь от приступов удушья, лег на диван. Ни о чем не спрашивая его, Нелли сняла телефонную трубку и позвонила в «Скорую помощь». Машина прибыла через пять минут... Дежурный врач в больнице сказал Нелли: «Поезжайте домой, это надолго».

Карапетян был помещен в кислородную барокамеру. В целом же состояние больного не вызывало серьезных опасений за его жизнь».

Это же сказали и родителям Шаварша, когда они примчались в больницу. Но Асмик Карапетовна не поверила врачам. Плакала. Спросила, можно ли повидать сына. Ей ответили, что можно, но только на телевизионном экране.

Шаварш лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок.

— Как ты себя чувствуешь, сынок?

Шаварш не ответил.

— Шаво, это я, мама. Ты меня слышишь?

— Да, слышу.

Она не узнала его голос.

— Как ты себя чувствуешь?

— ...Неважно.

— Зачем ты это сделал, Шаво?

— ...Я не знаю, что сказать тебе.

Владимир Самсонович, обняв жену за плечи, попытался отвести ее от микрофона, но она резко отстранилась, и он понял, что ее не остановить.

— Там же были другие, опытные. Там же были профессионалы своего дела. Ты же в этом ничего не понимаешь. Это не троллейбус. Тогда ты был один во всей Армении, кто мог сделать это. Там ты выполнял свой долг. А здесь?

— ...Иначе было нельзя...

— Как нельзя? Почему нельзя? А мне можно жить без тебя, ведь я снова едва не лишилась сына? Что ты наделал?

— ...Иначе было нельзя... Как там все закончилось?

— Все нормально, сынок. Конструкцию удалось спасти,— вступил в разговор отец.— Ты все правильно делал, сынок. Все хорошо, родной. Мама это тоже понимает... Просто она сейчас в таком состоянии... Ты прости ее, родной. Все будет хорошо. Врачи сказали, что это неопасно, сынок... Держись, родной.

Шаварш больше не отвечал.

...Трудно было Шаваршу Карапетяну. Трудно быть Шаваршем Карапетяном. Постоянно ловить пристальные взгляды знакомых и незнакомых глаз, не только восторженные, но и пытливые, настороженные: «Кто ты теперь, прошедший огонь и воду? Не стала ли жизнь твоя нескончаемым шествием вдоль строя трубачей?»

Однажды мы с Шаваршем, его родителями и Нелли торопились в неблизкий район Еревана в гости к спасенной Шаваршем Терезе Согомонян и ее мужу Самвелу. Ехали к семи часам, но явно не успевали, потому что Шаварш никак не мог купить цветы для Терезы. Дело происходило в воскресенье, и все цветочные киоски были уже закрыты. Но вот Шаварш вернулся в машину с великолепным букетом роз, сел за руль и весело замурлыкал что-то себе под нос. Я тогда ему сказал:

— В такой ситуации можно было б ехать и порискованней и... чуть-чуть нарушая правила.

Но он покачал головой.

— Неужели никогда не нарушаешь?

— Раньше, случилось, нарушал, когда торопился. А теперь не могу.

— Но почему?

— Не понимаешь?... Я так поеду, а кто-то со стороны увидит и подумает: «Вон поехал нахал Карапетян, ему все можно».

Вот ведь что у него получается: слава может и унижить, если она — щит, иль меч, иль банковский чек. Для него — вексель. Он отработал этот вексель, так считают все. Кроме него самого. Таково его человеческое достоинство.

Он никогда не встряхнет, не воспользуется своим именем. Таково его человеческое достоинство.

Он оправдывает тех, ради кого едва не погиб, кто просто не поблагодарил за спасенную жизнь. Он не клеймит даже трусов и снисходителен ко многим слабостям других. И в этом тоже его человеческое достоинство.

Он настойчиво расставляет все по своим местам в истории с пожаром. Не устывая повторяет, что таких, как он, там было много. Что десятки тысяч людей в Армении на его месте поступили бы так же. И как восторгается теми мальчишками. В этом тоже его человеческое достоинство.

Досрочно всеми правдами и неправдами выписавшись после пожара из больницы, он вопреки запретам врачей поторопился выйти на работу. Не будь этой его известности, может, и полежал бы, ведь так худо ему было. Но чужд ему — искренне, глубоко, клеточно чужд — ореол героя-страдальца. И в этом тоже его человеческое достоинство.

Получив океан писем, он понял, что нужен людям. Что они сверяют по нему жизнь свою, что его пример вдохновляет, лечит, очищает души, что нельзя ему замыкаться в себе, избегать встреч с рабочими, учеными, студентами, школьниками.

К ребятам у него отношение особое. Знает, по себе помнит, что им жизненно необходим кумир, герой.

И вот он есть, всамделишный, живой да такой добрый и веселый. Совсем свой. Который не произносит громких слов и назидательных речей. Но убеждает личностью своей. Убеждает быть честным и смелым. Убеждает жить болью и тревогой людей. Жить так, как живет сам.

Ереван

ВОСХОЖДЕНИЕ ЮРИЯ КРУГЛОВА

...«Ямщик лихой, он встал с полночи...» Кажется, сама песня звучит в промозглой весенней хмари негромкого городка. Медленно бегут навстречу чуть скособоченные деревянные домики Ямской слободы. Старая церковь на пригорке.

Неспешно ведет Юрий машину. Спускаемся к Холове, перебираемся по скрипучей слани на другой берег и опять лезем вверх.

То ли снег, то ли дождик. Со вчерашнего дня городок еще больше потемнел, осел, словно обуглился. Мутные ручьи несутся по улицам в Холову. Чумакая псина провожает нас унылым взглядом. В такую погоду и ей не брешется.

Немало повидали Крестцы за свои шесть веков. Войска Дмитрия Донского, Мстислава Удалого, Ивана Грозного. Видали здесь и Петра I, и Екатерину II, чей указ провозгласил село городом. Весной 1871 года здесь под надзором полиции два месяца жила Вера Засулич...

История России — тома удивительной памяти моего героя.

Остановились у вздыбленного самолета — памятника летчикам минувшей войны. Долго стоим. Молчим.

В небе над Крестцами бои были страшные. Школы и улицы городка носят имена погибших летчиков. Не счесть их могил на Ямском кладбище. Где-то над нами был подбит и «ястребок» Тимура Фрунзе. Похоронили его тоже здесь, на Ямском. Позже прах перевезли в Москву. Но осталась улица его имени.

Юрий Круглов живет тоже на улице летчика, а потом космонавта — Германа Титова.

Из характеристики Круглова: «Во время учебы в школе, а затем работая на строительстве ЛЭП, зарекомендовал себя как добросовестный, исполнительный и волевой человек. Хорошо учился. Являлся капитаном баскетбольной команды. Занимался также футболом, волейболом, лыжами, коньками, плаванием, легкой атлетикой, шахматами — на уровне 1—2 разрядов. Пользуется авторитетом у молодежи. Характеристика дана для поступления в летное военное училище. 1959 год».

Но судьбе было угодно другое. В жаркий июльский полдень, перед самым отъездом в училище, когда мать уже гладила на дорогу рубашки, он вышел на высокий берег родной Холовы, разбежался и полетел головой в воду... Когда Юрия вытащили на берег, его ноги и руки были уже мертвы. Рядом валялась извлеченная из воды автопокрышка, причина несчастия.

Врачи поставили диагноз: «Компрессионный перелом шейных позвонков». И сказали родителям: «Ему осталось жить семь дней». Он узнал об этом из случайно услышанного разговора медсестер.

Но прошло семь дней, потом еще неделя, месяц... Такие же больные, как он, лежали рядом, и жизнь быстро покидала их. Они умирали, не видя смысла, не имея сил и желания бороться. Он жил. Тогда удивленные врачи сказали ему: «Только никаких попыток двигаться, иначе лишь приблизишь конец». Врачи исходили из своего опыта. Он же начал постигать свой. Через несколько месяцев, когда Юрий смог наконец едва заметно повернуть голову, он понял, что первый раунд остался за ним. Жизнь наполнилась новым смыслом и содержанием. Цель была достигнута.

С утра и до вечера он бился со зловещей, предательской немотой тела. Оно должно, оно обязано было отозваться, а немота начать отступление. Засыпал изможденный, думая лишь о том, чтобы скорее наступило новое утро.

Однажды он попросил мать положить его на пол, на одеяло. Попробовал хоть как-то приподняться. Не вышло. И на второй, и на третий день тоже. Через неделю он преодолел первые десять сантиметров.

Рожденный летать, он учился ползать.

Друзья смастерили над его головой кольца, укрепили растяжки и амортизаторы. Принесли гантели — маленькие, потом потяжелее. Сконструировали маятниковый станок для оживления мышц спины, бедер. Прошло много времени, прежде чем маятник дрогнул. Но закачался и он. Это был ритм новой жизни Круглова.

Овладел авторучкой — еще раунд. Стал отжимать 12-килограммовые гантели по 100 раз подряд и даже соревнуясь с друзьями. Один из них — шофер Женя Смирнов установил в комнате брусья, и Юрий стал ходить по ним на руках, все больше и больше включая ноги, — да так, что стерлась на полу краска. Кто считал те километры? Когда они кон-

чилились, потекли другие — на костылях. Это был очередной победный раунд Круглова.

Через четыре года он попросил мать отвезти его документы на заочное отделение истфака Новгородского пединститута. Мать не подумала, что ослышалась, не переспросила. Удивляться ей время вышло. Он получил диплом на полтора года раньше других. Так он наверстывал то, что было упущено за годы борьбы с несчастьем.

В родной школе нового историка приняли с сочувственной настороженностью и учебную нагрузку поначалу определили минимальную. Юрий возражать не стал, а в один прекрасный день принес из дома пластинки с записями Шопена, Верди, Чайковского, Баха. Так он стал вести факультатив по истории музыкальной культуры. Негде было сесть на тех занятиях — и учителя, и родители в класс набивались.

Круглов, однако, на том не успокоился. Бросил клич: «Кто хочет записаться в баскетбольную секцию?». Желающих нашлось с избытком. Правда, никому поначалу в голову не пришло, что тренировать будет сам Юрий Яковлевич. Да и был ли он уверен в том, что дело пойдет? В том, что сможет рождать, создавать образ движения через слово? Видимо, да — любая другая задача по сравнению с уже решенной стала теперь проще, хотя речь идет о совершенно разных категориях мышления и действия. Убежденность так или иначе обращается в понятия осязаемые, ценностные.

Пришло время, и интересам Круглова стало тесно в зоне маневра «школа — дом». Не вспомнить того дня и часа, когда Юрий организовал и начал тренировать детские дворовые футбольные команды. С тех пор его пацаны не знают себе равных в турнирах на приз клуба «Кожаный мяч» во всей Новгородской области.

Купили они с матерью потертый горбатенький «Запорожец». Опять же помогли друзья, переделали управление на ручное. Однако прошло еще три года, прежде чем Круглова признали водителем и выдали соответствующий документ. Раз, два, десять раз отказали ему, и не будем корить за то автоинспекцию — у нее свои правила и порядки, свои мерки, в которые Юрий Круглов не вписывался. У Новгородского областного ГАИ он был первый такой. Но вот, накрутив на своей машине десять с лишним тысяч незаконных километров (да простит мне Юрий это откровение), Круглов приехал в Новгород, посадил инспектора в машину и целый день мотал его по городу. Инспектор хотел поймать экзаменуемого хотя бы на одной ошибке. Но Круглов ее не подарил. Так и услышал наконец: «Все, сдаюсь!»

И в школе у него едва ль не с первого дня пошли конфликты по основному «производственному» вопросу.

— Почему выставляете в четверти столько двоек и троек? Вы снижаете средний показатель, вы тянете назад всю школу и даже весь район, — говорили ему. Указывали на другого преподавателя истории, у которой все иначе:

— Видите, она и грамоты получает, и на Доске почета висит, и на областные учительские конференции выезжает.

Он же неизменно отвечал, что для него главное — знания детей, что делать «липу» никогда не будет, что завышение оценок — тоже растление душ. Когда же шесть его учеников получили перезачисленку на осень, эхо школьного взрыва докатилось до областного центра. Но Круглов стоял на земле крепко.

Потом его троечники сразились с отличниками той, «благополучной» учительницы. Сразились в КВН по программе истории. И разделили их по всем статьям и параграфам. Лишь тогда капитулировала администрация.

Вскоре его восьмиклассники писали сочинение на тему «На кого ты хотел бы походить?». ДЕВЯНОСТО ПРОЦЕНТОВ назвали своего учителя историей.

В 1967 году Юрию Круглову вручили высшую комсомольскую награду — «Почетный Знак ВЛКСМ» — «За отличную работу по воспитанию подрастающего поколения, за мужество и волю к жизни».

Но вот жизнь Юрия Яковлевича снова делает крутой излом, обозначенный созданием в Крестцах детско-юношеской спортивной школы по баскетболу и футболу. Ее директором Круглову и предложили стать. Ему самому показалось странным то, как же быстро он согласился. Нет, не изверился он в своем учительстве. В школе к тому времени все у него образовалось. Отпускать не хотели, долго отговаривали. Не намекали: куда, мол, вы с вашей инвалидной коляской да на тренерскую стезю. Нужен был школе Круглов как педагог, как родник для детских душ, как товарищ в учительской семье.

Но он ушел. Сказалась, вырвалась наружу его давняя, неизбывная и, быть может, не всегда осознанная страсть к движению. Все эти долгие и тяжкие годы он исподволь стремился постичь суть и особенность управления телом в каждом человеке. Созерцание Юрия было активным, пытливым. Анализируя, он строил образы движения.

Сейчас, спустя много лет, я спрашиваю Юрия, сделал бы он этот шаг, наперед зная, сколько ждет его трудностей, порой разочарований? Он отвечает твердо: «Это было правильное решение».

Трудно представить, как можно было выстоять, когда сразу же после победы твоих баскетболистов в чемпионате области ты узнаешь о распоряжении закрыть в спортшколе баскетбольную специализацию и открыть гандбольную. И угас баскетбол в Крестцах. Опустели даже летние площадки. Гандбол же привить трудно, ведь зал нужен почти втрое большей площади той, что есть в городке.

Не понимаю, как не опустили руки, когда год за годом роно не желает хоть как-то поддерживать спортшколу? Сколько поездок сорвано, сколько обещаний не выполнено, сколько просьб оставлено без внимания бывшими руководителями народного образования Крестецкого района.

Как можно не отчаяться, когда раз за разом сталкиваешься с занижением возраста игроков и подставками на областных юношеских футбольных соревнованиях — при молчаливом, а то и настоятельном согласии организаторов. Ему намеркнули: «А что вам мешает поступать так же?» Он ответил: «Как же я после этого посмотрю в глаза своим ребятам? Если у тебя крадут, значит, и ты должен красть?»

И спортзал у Круглова не свой, а обыкновенный, школьный. Стало быть, и здесь спортсмены — как пасынки, особенно не разыграешься. А ведь в типовом Положении о ДЮСШ сказано, что школа должна иметь свою материальную базу. Но базы и в помине нет. Получается, что спортшкола — не спортшкола, даже именоваться таковой не имеет права. Однако Круглов стоит. И не просто ждет. Воюет, борется, доказывает, убеждает, мало-помалу отвоевывает «жизненное пространство» для своих ребят. Нет для него мелочей.

Когда понадобилось заменить щиты на баскетбольной площадке, он обратился за помощью к администрации леспромхоза. Там изготовили древесноволокнистые плиты. Понадобилось отвезти их для окончательной обработки на Новгородский мебельный комбинат. Машины для этого сразу не нашлось. День ждал Круглов, другой, время шло, тренировки срывались. Тогда он решил вопрос сам: ребята погрузили щиты на его машину, он и отвез... «Лежачих камней» на пути его больше, чем у любого другого. Он ждать не может, он всегда должен спешить. Движение стало его стю.

...Неподалеку от Крестцев — сёла Ручьи и Рахино, до каждого километра по двадцать. В каждом — по спортзалу. А спортшкол там нет. В залах мячи звенят только на уроках физкультуры, а в остальное время они пустуют.

— Зато по отчетам у них там все хорошо, — мрачно усмехается Круглов, — «высокая степень загруженности спортсооружений».

— Да что у них, на бумаге и у нас все гладко, — вторит ему председатель Крестецкого районного спорткомитета Иван Андреев. — Почитайте наши отчеты и узнаете, что в районе пять тысяч человек занимаются физкультурой и спортом. И что спортсооружений целых сорок. Только цифры эти вытянуты из нас сверху. Даже если считать спортплощадкой обыкновенный каток, что ребята сами залили во дворе, то этих «сооружений» едва за двадцать наберется. А если все честно называть своими именами, то следует вывести цифру «шесть» или в крайнем случае «семь». Однако нам говорят: «Нужно сорок». И пишем, а что делать. Когда же мы ставим вопрос о строительстве новых спортсооружений, нам говорят: «Зачем? У вас же вон сколько их».

— Иван, — спрашиваю у председателя, — а не боишься, если твои слова разойдутся массовым тиражом?

— Нет, — отвечает, — я ученик Юрия Яковлевича.

— Я всегда ребят к правде приучал и приучаю, — говорит Круг-

лов. — Сколько можно пыль в глаза пускать? Кому вред приносим? Себе же, детям своим.

Однако страдают они за правду свою. Вот, например, выиграли ребята ДЮСШ областной футбольный турнир «Колосок», проводимый ДСО «Урожай». Но когда потом сформировали областную команду для участия в зональных соревнованиях, крестецких футболистов в ней не оказалось. А в сборную взяли игроков из Шимска да из новгородского клуба «Электрон». Опять, стало быть, «липу» склеили. Кругловы сказали: «Ваши не вышли классом» (это победители-то). Ребята к нему: «Где же справедливость, Юрий Яковлевич? Мы хотим написать обо всем этом в газету «Советский спорт». Он ответил: «Пишите, только предупреждаю — жить нам с вами после этого будет еще труднее».

Круглов знал, что говорил. Газета выступила с резким осуждением околофутбольных предпринимателей. А на следующий год крестецкие ребята и вовсе лишились возможности играть в турнире «Колосок». Областной совет «Урожай» оказался короток на расправу.

Приехала раз к нему комиссия из областного центра. Спрашивает: «Сколько у вас трудновоспитуемых?»

— Ни одного, — отвечает.

Ему объяснили, что так не бывает, что так вообще «нельзя». Что могут подумать, будто он сам для себя отбирает благонадежных. Круглов, однако, свой ответ не исправил, и комиссия обратилась в школу. Там сказали: «У Круглова «трудных» семеро». Комиссия одобрительно кивнула, поставила Круглову галочку. И даже с плюсом. Он лишь пожал плечами:

— К каждому ребенку можно подобрать ключ, иначе мы расписываемся в своем бессилии.

Но вот не может себе простить, как однажды применил запрещенный прием против четвероклассника Ромки Афанасьева. Целых два месяца не ходил тот на тренировки, а потом явился весь «разобранный», все навыки растерял. Когда Круглов выяснил, что никаких причин для пропуска занятий у Ромки не было, страшно разгневался на него, назвал даже «свиньей». И не было ему утешением даже то, что Ромка после этого стал как шелковый. Или, вернее, как железный: работал, потел, старался больше всех. И сказал мне Юрий: «Нельзя так. Ни в каких случаях нельзя. Ведь я расписался в своем бессилии. Если они это услышали от меня, значит, и друг в друга могут таким же словом запустить».

Однако не запускают, хотя футбол, сами понимаете, — игра высокого накала страстей.

Позвонят ему порой из школы и попросят: «Отстраните Сережу К. от тренировок из-за низкой успеваемости». Он же отвечает:

— Почему? Если ученик получил двойку по математике, вы же не запрещаете ему посещать уроки физики.

Однако, помня о его учительской строгости, мы вряд ли предположим безразличие Круглова к успеваемости своих юных футболистов.

Я мог бы воспроизвести какой-либо педагогический диалог Юрия Яковлевича, но ведь дело не в словах. Для ребенка едва ли не всякий поступок любимого учителя назидателен. Не обязательно говорить мальчишке: «Будь смелым. Будь честным». Если за этими словами нет самой личности сеятеля, они не дают всходов.

А с ногами у Круглова в последнее время стало хуже, с кресла-коляски он и вовсе уж не встает. Передвигаться же, как и раньше, приходится много, руки от вращения колес все в волдырях. Жена Юрия Нина рассказала мне о письме в Управление трудового и бытового устройства инвалидов Министерства социального обеспечения РСФСР с просьбой выделить для Круглова кресло-коляску с ручками-рычагами. Однако заместитель начальника Управления товарищ Кочетов В. Д. в просьбе отказал. Видимо, сбила с толку справка о том, что проситель работает тренером. Рекомендовано было обратиться в облсобес. Но отмахнулись и там. Когда же к товарищу Кочетову со страницы центральной газеты обратился автор этих строк, вопрос был решен в течение двух дней.

Сколько мы знаем людей, вдавленных в землю тяжелой, многолетней, неизлечимой болезнью. Иссушая тело, она зачастую ожесточает душу.

Я пишу о Юрии Круглове, чтобы вы узнали: есть среди них люди иные. Они не упиваются муками своими. Мы лишь смутно догадываемся, каково этим людям оставаться наедине с собой. Они переживают свое молча, отвернувшись к стене.

Но вот человек оборачивается к нам, и мы видим глаза, полные бездонной доброты. И мудрости. Хочется сделать жизнь с него, как делают это его оголтелые мальчишки. И в словах его: «Играйте, не глядя на мяч. Играйте с высоко поднятой головой», — пусть видят они глубокий смысл. Жить им так!

Уезжая из Крестцев, снова останавливаюсь у памятника погибшим летчикам. Устремленный ввысь самолет, на который садятся последние снежинки ушедшей зимы...

Новгородская область

ЗИМНИК

Ночь без края. Медленно стынет наша машина. Чуть откинувшись назад и непривычно опустив руки с баранки, тяжело спит мой Степанюк. Так же, как и другие водители колонны. А я пишу, не в силах оставить это на завтра, втайне благодаря судьбу, явившую моим глазам неизвестные ранее, пронзительные сюжеты человеческого бытия. И что самое удивительное, пишу, сознавая, что это их обычная жизнь.

Зима нынче собиралась на Чукотку долго. Снег, как обычно, начал падать рано, да морозами не прихватывался — не давала насквозь проква-

шенная дождями и солеными ветрами тундра. А коли тундра не встала, нет и зимника.

Густой сетью озер и паутинами речек испещрена вся Чукотка. Суша — тоже непонятно что: хлябь да хлябь. Так что проблема дорог здесь столь же вечная, как и мерзлота, подстилающая тундру. А дороги здесь невероятно нужны. Край быстро развивается, набирает силу. Шмидтовский район расположен у побережья Северного Ледовитого океана, сюда с тихоокеанского берега Чукотки, из Эгвекинота, идет на мыс Шмидта большая часть грузов.

Год назад пробивать зимник машины пошли уже первого ноября. А вот теперь шла вторая половина месяца, но путь к Чукотскому морю так и оставался непроторенным.

Прилетев в Эгвекинот, я пришел к Н. И. Шкуропату, главному инженеру автобазы.

— Снега очень много, — сказал он. — И задувает крепко. Но идти надо. Шмидтовцы больше ждать не могут.

...До промежуточного пункта — поселка Иультин — мы, можно сказать, летели, хотя и на перевалы забирались, и порой буксовали. Но худо ли, бедно, а двести километров преодолели за десять с половиной часов. Впрочем, так тому и следовало быть. Здесь ухоженный и укатанный круглогодичный тракт. Оставалось 150 километров дороги. Которой пока не было.

Сколько дней будем пробиваться, я не спрашивал, понял сразу, что здесь об этом говорить не принято. Два года назад на эти полтора-два километра ушло девятнадцать дней. Можно сказать, что пурга здесь даже не природное явление, а просто условие работы, появляющееся с разной периодичностью, надолго или накоротко, но неизбежно. Да так, что зачастую не видно габаритных огней идущей перед самым носом машины. И, что хуже всего, не видно вешек, расставляемых вдоль трассы загодя — летом. Впрочем, мы частенько не встречали вешек и при хорошей видимости. Таковы издержки деятельности управления автодорог Иультинского района. Стоит ли разъяснять, что значит сбиться с трассы в пургу, потерять след, уйти в тундру? Кончится бензин — а расход его в этих условиях возрастает в пять-шесть раз, — и холод достанет быстро.

Но не будем сгущать краски. В нашей колонне много таких, что «зимовали» в заглохшей машине до трех и даже четырех суток. Одна из основных здешних заповедей: коли застрял-запурговал, не высовывайся и наберись духу ждать. Тебя будут искать в любую погоду, ведь есть везходы.

С водителем мне повезло. Володя Степанюк оказался в меру разговорчивым, в меру сдержанным: душу не распахивал, но и не таился.

Двадцать девять лет ему, из которых последние девять водит автомашины по Чукотке. Раньше на кране работал, на бульдозере, на тракторе. Но это, нынешнее, уже никогда и ни на что не променяет, «обручил-

ся» навсегда. Надо ему, чтоб машина была крупной и сильной, чтоб через нее свою силу ощущать.

— Какие события в жизни? Вот в прошлом году было большое — в партию приняли. А те, что на трассе случаются? Так на то она и есть работа. Не она меня нашла, а я ее. И Чукотку тоже... Хорошо здесь. Вот сейчас вернемся и отправлюсь на Украину, мать там у меня. Хочу привезти ее сюда, пусть живет... Почему не женился еще? Ну, это разговор особый. Я ж всегда в рейсе, а она ждать меня должна, так ведь? Это проблема.

В нашей группе мы идем вторыми. Впереди «маэстро» — Петр Годованец, самый старший по возрасту, опыту и мастерству. Шофер экстра-класса. Тридцать лет топчет он колесами тундру. Все зимники к мысу Шмидта — его кровные. И чаще всего сам впереди. А что до знамени, так есть и оно у него — Трудовое Красное Знамя на груди.

Что повидал да настрадал Петр Васильевич — то целая книга, которая, увы, пока не написана. Собой он высок, тяжел и кряжист. А ручки — огромная «ураловская» баранка в них, как бублик. Северянин прямо-таки былинный.

Уже давно взял Петр Васильевич Володю под свою опеку. Так и ходят вместе. И своим скорым постижением тайн высочайшего искусства северного вождения обязан Володя прежде всего ему, Годованцу.

Стонет, надпрыгивает двигатель могучего «Урала-375». То и дело Степанюк сдвигает давление в шинах до минимально допустимого, затем снова включает наддув, но ненадолго. Перед нами «умельцы» дорожного управления протасили на тракторах волокушу — нехитрое приспособление для уплотнения снега. Это, конечно, хорошо, да только по многолетнему опыту известно, что трамбовать нужно самое малое за сутки до колонны, после чего снег должен схватиться, а иначе он под колесами — как пена, идти по которой еще хуже, чем по целику. И буксует, буксует Годованец. То и дело мы тараним его, выбивая из очередной ямы. Но тут же снова застреваем сами, и Степанюк в который уж раз начинает раскачивать машину, уплотняя под ней снег. Три... пять минут проходит, прежде чем мы выбираемся, чтобы через какие-то полсотни метров засесть снова. И снова кач-кач-кач. Так и пляшем.

— Ох, и сцепление у «Урала!» — Я не могу скрыть восхищения. — Сколько ж ему достается!

— Сцепление что надо. Да и вообще машина классная. Лучше для Севера и быть не может. Недаром присудили ей «золото» на Лейпцигской ярмарке. Впрочем, силенок бы малость прибавить. Сто восемьдесят все же здесь маловато.

Через два дня машина Степанюка не выдержит такого над собой измывательства. Сначала порвется приводной ремень вентилятора, а еще спустя пять километров обломится палец реактивной тяги заднего моста и оторвется карданный вал. Чуть раньше у Ивана Дьяченко откажет насос гидроусилителя рулевого привода, и ему почти десять часов — до

стоящей на трассе теплушки — придется проворачивать руль огромнейшим усилием, что нашим «материковым» водителям мало кому по плечу. И потечет бак у Миши Доржитарова, и «полетит» крестовина карданного вала у Бориса Ковальчука.

Со всеми этими бедами придется справляться своими силами: ведь «техника» или даже автомеханик в колонне — пока, к сожалению, недоступная роскошь.

Глубокая ночь. Не скоро еще утро, когда мигнет вполглаза солнышко над горизонтом и тут же снова скроется, унеся с собой серо-матовую тусклость неба и снова надолго повесив над головой угрюмую небесную чернь.

Идти стало чуть полегче, благо мы обошли тракторы с волокушей, которые почему-то встали и не двигаются. Тем лучше. Мыслями все уже там, в теплушке, до которой остается с километр. Четырнадцать часов непрерывного хода позади. Конечно, при всей условности понятия «непрерывность». Как же хочется поскорее растопить печку и прижаться к ней ноющей поясницей, и выпрямить задеревеневшие пальцы, и сварить все что угодно, только бы было горячее! И поговорить о том, что осталось позади и что предстоит. А потом снова забраться в машины и задремать.

Но нельзя здесь отсылать мечты ни на метр вперед своей машины. Неожиданно мы уперлись в хвост ранее вышедшей группы. Все семеро водителей усердно размахивают лопатами.

— Опять прижим отработываете, мужики?

— А что делать? Хорошо, что вы подоспели. Тут на всех хватит.

Прижимы — одна из традиционных пакостей зимника. Дело в том, что нередко он проходит между речкой и сопкой, словно прижимаясь к ней. В этом месте обильные снегопады вызвали обильное сползание снега с сопки, отчего на добрых трехстах метрах предстоящего пути образовался глубокий завал. Расчистить бы его тракторам дорожного управления, но...

С нашим приходом завал стал таять заметно скорее, благо в дело включились еще семь профессионалов и один любитель. Через полтора часа с прижимом было покончено.

Расчищенный участок оказался с сильным наклоном, и поэтому, чтоб уменьшить крен машин, давление в шинах по одному борту снизили чуть ли не до нуля, а по другому значительно подняли.

Медленно, крадучись мы двинулись на прижим. Вдруг задний мост полуприцепа Жени Небылицы чуть дернулся вниз, потом еще и еще. Рядом, совсем рядом обрыв и река. Что творилось в тот момент в душе Небылицы, не знаю. Степанюк же оставался невозмутим и не комментировал. Проскочили.

Вот тут-то, словно угадав момент, нас достали тракторы дорожного управления. И разговор вконец измучившихся водителей с тракториста-

ми на этот раз состоялся. Разговор такой, что в пору бы снегу от него растаять. Так что пересказать его по понятным причинам я не могу.

В теплушке на тридцать пятом километре, отогревшись и поев, коллектив решил, что спать нельзя, надо двигаться дальше. Чутье подсказывало: по пятам идет пурга, и она вправду нас накрыла, но уже намного позже.

Пошли. Сытые, усталые и злые. Пошли по целику, но часов через пять снег стал совсем невозможной глубины, и тундра взяла верх. Всё. Встали. Не идут дальше машины. На каждом метре провал, провал.

И тогда решили пустить вперед две машины налегке, без полуприцепов. Протоптать колею хотя бы километров на двадцать, а потом вернуться за грузом.

Вперед пошла наша машина, следом — Годованец.

Бьется мой Степанюк с нетронутой тундрой, и за истошным ревом мотора не слышно звенящего скрежета снега. Нет колеи перед нами, в лучах дальнобойных фар словно оживают округлые кочки и впадины под мертвой белой пеленой, подернутой змейками и вихрями поземки, в которых вдруг метнется и замрет ослепленный заяц или прошмыгнет песец. А мы все скребемся на север под ярко полыхающую во весь небосвод корону сполохов.

Позже все признали, что снег здесь, на участке от пятидесятого до семидесятого километра, был самым тяжелым. Помню, когда Володя сказал мне, что по его приметам до семидесятого осталось ровно два километра, я взглянул на спидометр. Через три часа, когда мы наконец добрались до семидесятого, я увидел, что счетчик накрутил восемь с половиной километров. Нет, Степанюк ничего не напутал. Просто спидометр ведет счет не с истинного пути, а с оборотов колес.

А потом уже по колее мы возвращались за своим грузом, и навстречу нам двигалась сильно растянувшаяся колонна. А догоняли своих мы быстро, хотя «на горбу» у нас снова был полуприцеп с девятью тоннами груза. Во второй раз этот же кусок от пятидесятого до семидесятого километра стоил нам всего четырех с половиной часов ходу. Вот так бы везде!

Наконец, все собрались. Отдохнули, поели, заливали, как могли, рапы и опять тронулись. Пурга часа на полтора накрыла нас и снова унеслась. Пошутила. Дала еще полдня спокойной жизни. Где-то километре на семьдесят пятом вдруг с удивлением обнаружили слабый проблеск. Час за часом он становился все ярче. Фары! Оказалось, что на помощь нам с омыса Шмидта были посланы тракторы. И опять — с волокушей???

Шедший впереди на наших глазах завалился правым бортом в снег. Вытащить его труда особого не составило, на это ушло не больше часа. Но зато для нас трактор сработал, как сапер. Провались на этом месте машина, может, и день потеряли бы. И у каждого из наших таких провалов в личной шоферской биографии хватает. И опрокидывался каждый не раз, не два, не три...

— Володя, а что это мы по дуге пошли?

— Озеро огибаем. Парень наш в позапрошлом году под лед здесь рухнул. Сам-то ничего, сухой. Полуприцеп утопил. Благо, не сильно глубоко было. Потом, попозже, полуприцеп спасли, но дорого нам все это вышло.

...Когда Степанюк вместе с шедшим в тот момент за нами Сашей Берошвили меняли порвавшийся приводной ремень вентилятора, уже пуржило, но было не очень холодно — чуть за тридцать. Однако по ходу дела им пришлось минут на десять снять перчатки, а это уже чувствительно.

Прошло часа два после того, как мы снова пошли. Вдруг под нами резко и тяжело рухнуло. Володя сморщился, закрыл глаза, словно это в нем самом что-то оборвалось или он сам получил неожиданный и злой удар. Некоторое время оцепенело молчал. Вздыхнул глубоко.

— Кажется, плохи наши дела, совсем плохи.

В отчаянии без полшубка он выскочил из кабины. Я уже на снегу нахлобучил ему шапку, хотя и знаю, что здесь, как на фронте, простуд не бывает.

— Так и знал.

Он показал мне на лопнувший палец реактивной штанги и беспомощно свисающий карданный вал. Какая нужна была сила, чтоб сотворить такое!

— Не знаю, есть ли у кого-нибудь из наших запасная штанга. У меня нет. Такие узлы очень редко ломаются.

Потом, когда они в шесть рук с Годованцем и Берошвили меняли штангу (нашлась-таки), была уже нормальная, деловая пурга. И перевалило за сорок. И снова перчатки часто лежали на снегу. Работа заняла часа два, не меньше.

Но вот все позади. И можно сдвинуть столы и просто тихо посидеть, уже не думая о наледях, прижимах, пурге. Не прикидывая, сколько тащить до теплушки. Не клясть службу дороги, а заодно и своих снабженцев за нехватку запчастей и отсутствие хотя бы одной рации в колонне. Но мыслями оставаться там, на дороге, которая нередко побеждает даже надежные и сильные машины. Но не людей.

Чукотка

БЫЛО ВСЁ КАК НА ВОЙНЕ

Не помню, как выглядела приемная перед кабинетом начальника управления пожарной охраны МВД Украинской ССР. Потому что видел только щит, на котором — в траурных рамках — четыре фотографии. Ко-

гда я вошел, девушка-сержант прикрепляла пятую фотографию. Только что из Москвы сообщили, что в больнице умер Николай Ващук.

Разговор с начальником управления получился по-военному кратким. Я подумал, что вряд ли Филипп Николаевич помнит, когда в последний раз был дома.

— По-прежнему работаем в зоне, — сказал генерал. — Обеспечиваем непрерывную подачу воды для бетонирования раствора. Проводим дезактивацию, откачку воды из технологических коммуникаций. Следим за пожарной безопасностью в Чернобыле, Припяти, в селах, откуда временно эвакуировано население. Много и другой работы... Да, посетить пострадавших можно. Для начала рекомендую поехать в республиканский госпиталь МВД.

Тот май в Киеве выдался на редкость ласковым. Каштаны цвели, как тысячу раз до этого. В такую пору сидеть в палате как-то не хочется. Мы вчетвером спустились во двор госпиталя.

Подошел полковник Гурин, заместитель Десятникова. Там, на атомной, он получил немалую дозу облучения.

— Как настроение, братцы? — улынулся полковник моим новым знакомым, сменившим офицерские мундиры на больничные одежды.

— Боевое, Владимир Михайлович. Готовимся к чемпионату области, — невесело пошутил капитан Осецкий. Оперативный дежурный областного управления пожарной охраны, он еще и старший тренер Киевской области по пожарно-прикладному спорту. Кому, как не ему, знать, что чемпионат Украины по этой дисциплине, где главным судьей был назначен именно Гурин, перенесли на более позднее время. Некогда, да и некому сейчас соревноваться — после аварии в Чернобыле многие спортсмены-пожарные оказались в больничных палатах.

— Вот уже четверых наших не стало, — сказал капитан.

Я понял, что им еще ничего не известно о смерти Ващука. Не знаю, как быть в такой ситуации: говорить или молчать? Но все же выдавил из себя эти слова. Отвернулся Леонид Алексеевич Осецкий. Закрыв глаза Василий Петрович Мельник. Отошел в сторону Иван Захарович Коцюра. Я решил, что сейчас мне лучше уйти...

Потом они мне рассказали, что старшему сержанту Николаю Ващуку было 25 лет. Проработал здесь всего полгода, но его уже успели оценить и полюбить. Любил и он людей, особенно детей. Месяцев за пять до своей гибели женился Николай на женщине с двумя детьми и стал для них родным.

...Снова и снова вспоминаю хронику тех дней — самых страшных часов. По рассказам участников событий, схемам, которые рисовали они в моем блокноте, четким и исчерпывающим разъяснениям их руководителей восстанавливаю картину случившегося.

Точно зафиксировано время взрыва на четвертом реакторе станции — 1 час 23 минуты 26 апреля 1986 года.

— Тревога!

Через минуту и сорок секунд к месту аварии прибыл караул 24-летнего лейтенанта Владимира Правика военизированной пожарной части № 2, которая обеспечивает пожарную охрану непосредственно атомной станции. Часть образцовая, одна из лучших в области и, кстати, именно ее команда выиграла в 1985 году чемпионат Киевской области по пожарно-прикладному спорту.

Согласно боевому уставу пожарной охраны, прибывший первым обязан взять на себя руководство тушением пожара, первым идет в разведку. Правик увидел разверзшийся корпус реактора, отброшенные взрывом куски его конструкции. Сильное пламя бушевало в аппаратной над реактором. Горела крыша машинного зала.

Здесь необходимо пояснение. Машинный зал — один на всю станцию. В нем восемь турбин мощностью по 500 тысяч киловатт. К машинному залу примыкают корпуса всех четырех реакторов станции. Каждый из них работает на две турбины. Возле турбин — огромные емкости с машинным маслом, взрыв хотя бы одной из них означал, возможно, уже непоправимое.

Правик сразу понял, что один лишь его караул вряд ли сумеет многое сделать, а пока нужно было определить главное направление удара своего подразделения. Он и его бойцы поднялись на крышу. Пылали сотни ее квадратных метров, поднимался тяжелый и едкий дым. Вскоре начала рушиться конструкция перекрытия. Огонь приближался к емкостям с маслом, по крыше подбирался к корпусу третьего реактора. Если бы произошла авария и на нем, то масштабы катастрофы не просто удвоились бы... Уже горело покрытие аппаратного отделения третьего реактора.

Когда солдаты в бою поднимались в атаку и шли грудью на пулеметы, то они все-таки знали, что у них остается шанс выжить. У Правика и его товарищей этот шанс был более чем призрачным. Они ясно осознали, на что идут. Решалась судьба станции. Но вместе с тем и нечто неизмеримо большее.

Некоторое время спустя, когда в зону, где действовал Правик, пытались войти другие и помочь, лейтенант крикнул им:

— Уходите отсюда быстро! Я закончу здесь сам. А МНЕ УЖЕ ВСЕ РАВНО!

Но они вошли.

Уже через несколько минут после прибытия караула Правика примчался караул военизированной пожарной части № 6 во главе с 23-летним лейтенантом Виктором Кибенком. Часть обеспечивает пожарную охрану города Припяти, на окраине которого расположена атомная станция. Караул Кибенка — лучший в части. Сам Виктор — секретарь комсомольской организации, кандидат в мастера по пожарно-прикладному спорту. Прибыли и бойцы профессиональной пожарной части № 17, «респираторщики», как их иногда называют.

Их, самых первых, стало теперь на линии огня двадцать восемь. Как много будит в памяти это число.

Ставились автонасосы на гидранты, подсоединялись рукава к сухотрубам, ведущим на крышу, туда была проложена магистральная линия. И дальше — к главному очагу пожара.

Начальник военизированной пожарной части № 2 майор Леонид Телятников догуливал последние отпускные дни. В минуту тревоги ему позвонили домой. Он помчался к месту аварии, успев сказать водителю, чтобы подняли всех свободных от дежурства. Поднявшись на крышу машинного зала, майор увидел, как плавится битум покрытия, и сапоги бойцов с каждой минутой становились все тяжелей, все больше влипали в расплавленную массу. С этой минуты майор принял на себя командование. Теперь он отвечал за все.

В реакторном зале пламя бушевало на разных этажах. Огонь грозил распространиться на крышу соседнего реактора, вот-вот он мог проникнуть в кабельные каналы, сеть которых опоясывает станцию.

Оценив обстановку, Телятников направил на защиту машинного зала одно подразделение, два других стали сдерживать продвижение огня к соседнему — третьему энергоблоку, а также ликвидировать горение в реакторном зале четвертого блока.

Несколько раз поднимался майор на самую высокую отметку станции — 71 метр, где находилось аппаратное отделение и основной очаг пожара. Он увидел, что часть крыши над самим реактором уже обрушилась, деформировались несущие конструкции, раскаленная лава горячего битума бурлила со всех сторон. Едкий дым застилал глаза, проникал в легкие. Люди работали под угрозой ежесекундного обрушения и неожиданных выбросов пламени. Яростно мигали, словно кричали, лампы дозиметрического контроля.

И стали падать шедшие в атаку. Вот оказались на полу Николай Ващук и 27-летний сержант Владимир Тищура, человек богатырского сложения и мягкого характера.

Из последних сил бился с огнем старший сержант Василий Игнатенко, человек редкого самообладания. Однажды он, чемпион Украины, участвуя в эстафете пожарных команд, при соскоке с бревна надорвал ахиллово сухожилие. Спортсмены знают, что испытываешь при этом. Пронзительная, нестерпимая боль опрокидывает, иные даже теряют сознание. Упал и Игнатенко, но уже после финиша. На другой день нога стала похожей на боксерскую грушу, потом почернела. Поверить в то, что он закончил свой этап и привел команду к победе, почти невозможно. Но так было.

Сбили наверху пламя. Но огонь, не смирившись, искал новую лазейку. Вот бросился в машинное отделение майор Телятников. Теперь задача состояла в том, чтобы перекрыть доступ пламени к емкостям с маслом. Там же находилась кабельная вахта. В бой вступили новые подразделения. Начинал брезжить рассвет.

Но ничего этого уже не видел Виктор Кибенок. Почти бессознательно дополз он по крыше до лестницы, начал спускаться вниз, и тут его подхватили заботливые руки товарищей. Первое, что он спросил, придя в себя, было: «Как там?» Услышал ответ: «Затушили», снова закрыл глаза.

В День Победы за считанные часы до смерти он обойдет больничные палаты и поздравит всех с великим праздником. С самых юных лет не знал Виктор другой мечты, кроме мечты стать пожарным. Он выбрал верный путь.

В ту ночь мастер спорта капитан Л. Осецкий дежурил по областному управлению пожарной охраны. Поступил сигнал о пожаре на станции. Вместе с начальниками отделов первозрядником майором В. Мельником и кандидатом в мастера спорта подполковником В. Денисенко они в оперативной машине через 1 час 20 минут прибыли на место аварии. Из Киева они добрались туда первыми. Вскоре приехали офицеры мастера спорта В. Трипутин, М. Задорожный, И. Коцюра, В. Ковшун.

Неспроста здесь упоминаются спортивные звания этих людей. Вся жизнь, самая сущность их немислимы без спорта. Речь не только о поддержании себя в отличной форме, без которой они попросту были бы профессионально несостоятельны. Способность к борьбе, умение и желание в нужный момент сконцентрировать всю волю, все самообладание, все мужество и совершить то, что необходимо, — вот что дал им спорт. Вот что помогло им выстоять и победить. Многие из них из-за возраста уже давно не выступали в соревнованиях, давно перестали считать себя действующими спортсменами. Жизнь доказала обратное.

Они понимали всю ответственность и опасность, что выпали на их долю. Однако ни один из них не то чтобы не струсил — трусов в этой среде быть не может — нет, ни один из них даже не усомнился в необходимости заслонить собой всех нас от беды, спасти Жизнь.

Мчались пожарные машины из Киева и других городов. Диспетчеры центрального пункта пожарной связи области Валентина Карпенко и Татьяна Виниченко в бешеном темпе и безошибочно регулировали выезд и прибытие подразделений, наращивание сил и средств личного состава и техники.

Но вот на месте аварии скопилось уже слишком много людей и механизмов. Все пожарные рвались в бой. Это установлено документально — все до единого. Я обязан назвать это явление его подлинным именем: массовый героизм!

Теперь задача состояла в другом — в том, чтобы свести к минимуму боевые потери. Созданный на месте оперативный штаб жестко ограничил доступ в опасную зону. Исход борьбы был предreshен.

В огне прожили самые страшные и самые благородные минуты своей жизни десятки, сотни людей в пожарной форме, каждый из которых, конечно же, хотел проснуться назавтра живым и невредимым,

каждый помнил о своей семье, детях и родителях. Но они шли в пекло, так было нужно.

Вот лишь один факт из множества других. За рулем одной из пожарных машин сидел 59-летний Григорий Матвеевич Хмель. Его сын Петр, лейтенант, начальник караула, сражался с пожаром. Мог ли отец позвать сына, вскрикнуть, обратиться к командованию с просьбой вывести парня подальше от огня? Мог, наверное. Но он, сжав зубы, молчал.

И вот огонь отступил. Пострадавших увезли. Но остался растерзанный взрывом и все еще излучающий смерть реактор. Майор В. Мельник отправился на разведку к расположенному неподалеку пруду-охладителю, чтобы выяснить возможность установки там передвижной насосной станции — требовалось подать воду для охлаждения реактора. Знал, что и там зона очень высокой радиационной опасности, но другого выхода не было. Когда приступил к работе, услышал, как неистово закричал дозиметрист: «Срочно в машину и уходить из зоны!» И цифру назвал зловещую. Будем верить, что майор успел уйти вовремя. Учеными давно установлено, что крепкий, хорошо тренированный организм более устойчив к радиации. Пусть это поможет и всем нашим героям, спортсменам пожарных команд.

И еще об одном человеке рассказать нужно. Тоже пожарном. Майор Анатолий Антонов — кандидат технических наук, сотрудник Киевского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института пожарной охраны, перворазрядник по современному пятиборью — первым сбросил с вертолета в зияющий и излучающий смертоносные лучи развал реактора мешок со специальным составом. Вдвоем с подполковником Александром Волошаненко они изучили обстановку и сделали важные для государственной комиссии заключения специалистов. Рисковали, может быть, не меньше, чем отдавшие в этой битве свои жизни Владимир Правик, Виктор Кибенок, Василий Игнатенко, Николай Ващук, Владимир Тишура. И Николай Титенок. Да, он стал шестым. Когда я уезжал из Киева, фотография Титенка прибавилась к пяти другим.

А на Чернобыльской атомной электростанции тем временем ни на минуту не затихала работа по ликвидации последствий аварии. Пожарные подразделения продолжали бой.

Киевская область

БЕГ К ВЕРШИНЕ

Раннее утро. Солнце быстро растворяет прохладу, стихает привычный ночной ереванский ветер. Мы бежим. Еще не так жарко. И не так тяжело, потому что дорога идет под уклон. Сначала по улице Комитаса, потом по улице Касьяна и дальше — по проспекту маршала Баграмяна.

Терпимо, вполне терпимо. И я, обманутый этой сбегавшей вместе с нами вниз дорогой, как и в былые годы, радуюсь легкости тела, упругости мышц. Они «вспоминают» прошлое.

Но вот на проспекте Ленина уклон заканчивается, а вскоре дорога начинает забирать вверх, к стадиону «Раздан». И мне уже не так хорошо. Гарник же, в который раз скосив в мою сторону взгляд, великодушно и тактично притормаживает. Но от этой снисходительности не легче. Как кровь в висках, тяжело бьется мысль о том, что два десятка лет назад, когда я бегал в финалах всесоюзных чемпионатов и не последние места занимал, он, слесарь Гарник Чичакян, инвалид второй группы, медленно угасал, пораженный едва ли не дюжиной недугов.

Беда приходит неожиданно. И не одна. Она ворвалась к Гарнику стремительно, рванула дверь и обдала ледяным дыханием.

«...Выраженный астено-вегетативный синдром, хронический токсический гепатит, хронический гастрит, миокардиодистрофия, хронический аллергический дерматит, хронический атрофический ринофаренгит, ЭКГ — синусовая тахикардия, 95 ударов в минуту... гипертрофия правого желудочка... Трудоспособность резко ограничена...» Это строки из документа того периода, из консультационного листа.

Он считал, что исход предрешен. Сник, сжался. От этой ураганной жестокости судьбы, от очевидной безысходности. На что было надеяться? Он не мог дойти от дома даже до ближайшей автобусной остановки — начинала сильно кружиться голова, а сердце то рвало грудь, то вдруг на несколько мгновений пугающе замирало, а затем начинало биться еще громче и быстрее, словно догоняя самое себя.

Сыновья. Что мог он дать им теперь? Самвелу в ту пору было девять, Вагаршаку пять лет. Что предложить? Слабеющую руку да тусклый взор из постели? Лишь тридцать семь прожил...

Солнце его не радовало, стужа не угнетала. Ему было все равно. Даже в лютую ереванскую жару его бил такой озноб, что не спасал и теплый свитер.

Его решение бороться родилось не в одночасье, не вдруг, когда яснее сознание и высветливается цель. А может быть, такого решения и не было вовсе. Может, просто в нем, в его организме, неосознанно нарастало сопротивление, пусть даже эта начавшаяся борьба была мучительней болезни? Гарник долго думает и не может ответить на этот вопрос. Впрочем, нужен ли здесь ответ?

Однажды он отошел от дома метров на двести. И вернулся. Сам. Отлежался сутки. Без сна. Потом сутки спал. Снова встал и вышел из дома. На этот раз он преодолел шестьсот метров. Он знал это почти точно: пятьсот шагов туда, пятьсот обратно, шаг — 60 сантиметров.

Упоенный скорой победой, он в следующий раз отмерил уже восемьсот метров. Но — в один конец, в одном направлении. Домой вернуться сразу не мог. Пришлось лечь на скамью в парке и несколько часов набираться сил. Наконец он встал и вышел из парка. Увидел пустое

такси, поднял было руку, но тут же осадил себя: «Нет, Гарник. Шагай. Так нужно».

Потом появились отметки: 2... 3... 4... 5... километров. Десять километров своим ходом, тяжелым, тягучим шагом преодолел Гарник Чичакян. Он шел к этому достижению ровно год.

Но затем на этой шкале стали появляться вехи, обозначенные всего лишь в метрах: 100... 200... 300... Метров?! Но это были уже метры бега. Спираль возвращения пошла на второй виток. Еще через год он преодолел уже пять километров. Бегом.

И вот теперь — в течение семи последних лет — Гарник Чичакян неизменно участвует в традиционном одесском ночном 100-километровом марафоне «Пояс славы». Трижды одерживал он победы в возрастной группе от 50 до 60 лет.

Начал на этой трассе с результата 11 часов 50 минут. Год от года улучшал результаты, сбросив в итоге 2 часа 10 минут. И это в 57 лет, когда просто пройти пешком столь немыслимое расстояние — пусть даже за сутки — уже результат превосходный, доступный лишь абсолютно здоровому человеку.

Я написал: «сбросив в итоге»... Но почему в итоге? Итог пока что впереди. Бегать Гарнику еще долго, много лет. А значит, жить. К шестидесяти годам он хочет разменять девять часов. И нет причин сомневаться в этом. Однако я, кажется, забежал вперед (пытаясь угнаться за своим героем хоть таким способом). Нынче бегущему по улице человеку никто не удивляется. Он так же привычен взору горожанина, как, скажем, лошадь полвека назад. Но тогда, в конце шестидесятых, было иначе. И бегущий бегущего, коль пути их пересекались, не заметить не мог. Так встретились Гарник Чичакян и Владимир Маркарян, фотограф, некогда мастер спорта по борьбе, а в описываемую пору тоже выздоравливающий после тяжелого недуга человек. И тоже избравший формулой лечения «беготерапию». Потом появились хирург Ваган Хачатрян, Сокрыт Саркисян, ныне директор Ереванского бюро путешествий и экскурсий. Ими был создан первый в республике клуб любителей бега «ЕВА» (аббревиатура армянских слов: «Ереванский клуб любителей бега»). Вскоре они организовали 50-километровый пробег по маршруту Севан — Ереван, в нем участвовало около пятидесяти человек.

Через несколько лет решились на большее — провели марафонский пробег Ереван — Тбилиси, 260 километров. Конечно, не одним махом, не сразу. За четыре дня. Понимали, что спортивные цели должны быть на втором плане, что не все участники готовы к такому испытанию одинаково, а бежать нужно с оглядкой на всех. Обретенные опыт и сила Чичакяна вывели его уже в лидеры коллектива, теперь он контролировал других, чувствовал за них ответственность.

На следующий год пробег провели вновь. Пригласили спортсменов других городов. Дело набирало темп. Удивительный пример удивитель-

ной жизни вдохновлял, вел за собой, вовлекая в ряды бегущих все новых энтузиастов.

Со временем от клуба «ЕВА» отпочковались восемь других: «Раздан», «Аракс», «Ахтанак», «Арабкир»... Главная их задача не только пополнять ряды спортсменов, но сделать так, чтобы в городе не было ни одного «неучтенного» любителя бега. Важно, чтобы каждый был вооружен методически, чтобы все находились под постоянным врачебным контролем.

Вопросов и проблем у них пока много. Клубам нужны свои помещения. Нужны методисты, инструкторы. Нужно квалифицированное медицинское обеспечение. Пока же многое делается на голом энтузиазме, на общественных началах. Нельзя сказать, чтобы городской спорткомитет устроился от помощи «бегунам от инфаркта». Иногда выделяют-ся и кое-какие деньги, и транспорт сопровождения. Но все это — капля в море.

Бегунов уже немало, но все же куда больше тех, кто просиживает пока вечерами у телевизоров и принимает капли от старости. Этих людей ждут на улицах и в парках.

А Гарник Чичакян по-прежнему принимает ежедневное утреннее лекарство — 15 километров бега. Дневная доза — 8 километров. Это уже не для здоровья, а по служебному долгу. Стоит ли говорить, что от пенсии он давно отказался? Работает слесарем-газовщиком. Обходчиком. Стало быть, весь день на ногах. Но ему эти восемь километров ходьбы — как нам с вами на третий этаж подняться.

В выходные дни беговая порция удваивается. Нередко он участвует в воскресных коллективных марафонских пробегах. Недавно бросил вызов двум молодым мастерам спорта. Обещал, что выиграет у них десятикилометровую дистанцию. Взыграла кавказская кровь, и пошла гонка. Через пять километров сошел с дистанции один мастер, еще через два — другой. Неважно, что оба парня — мастера спорта по фехтованию. Важно, что они вдвое моложе победителя — своего отца. Да и отец не мастер спорта по легкой атлетике. Нет у нас разрядных нормативов для старших возрастных групп.

Жизнь Гарника Чичакяна удивительна, но не уникальна. Он просто подтверждает давно известное. Под этой же обложкой помещен очерк о детском тренере по футболу Юрии Круглове, который более четверти века назад, получив тяжелую травму позвоночника, оказался полностью парализованным. Вся его последующая жизнь шла вразрез с предсказаниями врачей — такова воля этого человека.

Вспомним борьбу с собой выдающегося в прошлом тяжелоатлета Юрия Власова, борьбу, которую он не прекращает по сей день.

Человеческие судьбы — долгие годы борьбы. Но только ли за свою жизнь? Нет же! Это и борьба за жизнь нашу с вами. За наше, если хотите, здоровье. И не только физическое, но — нравственное. Узнавая об этих людях, мы нередко начинаем смотреть иными глазами и на себя.

...Бежим. До конца подъема к стадиону «Раздан» еще далеко, и тут я понимаю: «Всё, Гарник. Дальше я тебе не товарищ. Кончился. Беги себе один на один со своим великодушием. Не срывать же из-за меня тренировку». Трогаю его за плечо и жестом показываю: «Вперед!»

И с грустью глядя на его быстро удаляющуюся спину, на его легкий пружинящий бег, вдруг вспоминаю, что порой под написанным спортивным очерком ставил рядом со своей фамилией вроде бы честно заслуженное звание — мастер спорта. Вспоминаю с чувством душевного дискомфорта.

Ереван

ДОРОГА НА ЯМБУРГ

«...Силы были неравными. Семеро смельчаков на двух вездеходах, а расстояние около трехсот километров. Разведка боем — так почти в буквальном смысле этих слов можно назвать их поход, цель которого — первичная разведка будущей трассы зимника Медвежье — Ямбург». Так писала газета «Рабочий Надыма» 16 октября 1980 года. Те вездеходы в сорокаградусный мороз много дней пробивались к цели по глубокому снегу тундры и коварному льду Обской губы.

На картах Ямбург в ту пору еще не значился. Через четыре года в поселке работало уже около двух тысяч человек. В ближайшее время численность Ямбура должна достигнуть 30 тысяч человек. Причина тому — открытое газоконденсатное месторождение, запасы которого не уступают крупнейшим в стране. Осенью 1984 года началось строительство железной дороги Уренгой — Ямбург.

...Дороги дальше не было. Дорога уткнулась в мост, который пока не существовал. Саханцев стоял на последнем, оборванном метре земляного полотна, смотрел на зияющий разрыв и прикидывал, когда укладку смогут двинуть дальше. Вчера по программе «Время» он, главный инженер треста «Уренгойтрансстрой», услышал, что дорога шагнула в сторону Ямбура на три десятка километров. Льву Борисовичу было досадно за неточность: на картах и схемах мост через этот безымянный ручей значился на отметке «27 километров». Впрочем, как считать. Полотно было отсыпано почти на пятидесяти километрах трассы. Укладка могла быть уже далеко за отметкой «30», если б не этот — и всего-то одиннадцатиметровый мосточек.

Укладка — вершина пирамиды. Укладка — хотя и не конечный, но наглядный и, будем откровенны, эффектный итог работы путейцев. «Но укладка-то никогда не станет задерживать», — думал сейчас Саханцев.

Мосты, мосты и еще водопропускные трубы — вот что порой сбивало темп.

Строительство искусственных сооружений то здесь, то там натякалось на нехватку техники. И на мороз. Несколькими днями раньше на станции Коротчаево была зарегистрирована температура МИНУС ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА ГРАДУСА!

Впрочем, они давно привыкли относиться к морозу и пурге просто как к неизбежным условиям работы.

— Когда приступаете? — спросил Саханцев начальника III мостостроительного отряда Игоря Евликова.

— Послезавтра. Буровой станок уже опробовали, все нормально...

Проектно-изыскательские работы на Ямбургском направлении вел институт «Ленгипротранс». И потому мой путь на строительство трассы начался в Ленинграде.

— К изысканиям приступили в восемьдесят третьем году, — сказал главный специалист отдела железных дорог института А. Я. Хралов. — Работали шесть изыскательских партий — триста человек.

Местность ровная, изобилует болотами и озерами. Множество рек и речек. Будет шестьдесят мостов. Самый большой — через реку Хадутэ, на 160-м километре. Его длина — 770 метров. Однако открыть рабочее движение поездов на том участке намечено пока по обходному пути, по временному мостовому сооружению. Это нормально, экономически оправдано, это позволит скорее ввести в строй дорогу. Такая тактика, например, была принята на БАМе.

Осадков здесь выпадает сравнительно немного, но господствуют сильные ветры, а потому — значительные переносы снега. Поезд на разъезде за полчаса может занести по окна. Поэтому спроектировано высокое земляное полотно. И вот тут вопрос непростой. До 160-го километра грунт для отсыпки полотна худо-бедно, но есть. Правда, некоторые карьеры будут в 20—25 километрах от полотна, но это не так страшно. А вот дальше 160-го начнутся карьеры с сильно льдыстыми песками. С ними строители железных дорог пока дела не имели. Насыпь из этих твердомерзлых песков после летнего протаивания осядет так, что не спасет никакая балластировка. Как быть? Вопрос этот предстоит решать.

— Кабы только это! — продолжал Хралов. — А сколько летом комаров и мошки. Содержание кислорода в воздухе понижено, что может сказываться не только на людях, но и на машинах: двигатели тепловозов теряют мощность.

Плохо с камнем для балластировки земляного полотна. Балласт везят с Урала. Очень сильны весенние паводки, и крайне медленно сходит вода, ведь местность ровная, а вода фильтруется плохо — мерзлота.

С мерзлотой отношения у строителей вообще будут сложные. В тех местах она весьма своеобразная и капризная. Особенно много крови портит она мостостроителям...

На пути у меня была встреча в Тюмени с генеральным директором объединения «Тюменьстройпуть» М. М. Бородановым.

— Построили мы дорогу от Тюмени до Уренгоя, — вспоминал Михаил Матвеевич. — 1370 километров. Трудной она оказалась. Но та, что строим сейчас, намного труднее. И все же мы были готовы к этому. Есть, однако, трудности незапланированные, их могло и не быть. Плохо, например, обстоят дела с поставкой рельсов. Ждановцы пока дают нам лишь незначительную часть плановых поставок. Не хватает машин для транспортировки и укладки водопропускных труб, приходится одалживать машины то у газовиков, то у нефтяников. Не хватает бульдозеров, самосвалов...

* * *

Мы с Саханцевым ехали по притрассовой автодороге на вахтовом «Урале». Главному инженеру нужно было попасть на 45-й километр, где базируется 15-я мехколонна, занятая отсыпкой земляного полотна. Сказал, что по его приметам к вечеру мороз должен отпустить: ветер менял направление на южное, а значит жди пурги. Но пока что вокруг яркого солнца торжественно и празднично сиял вполнеб трехцветный ореол, вырстая подковой из-за горизонта.

Поломка, что произошла у нас, была небольшой, обычной: сорвало патрубок в системе охлаждения двигателя, и вытек весь антифриз. Патрубок наладить — дело нехитрое, но пришлось долго растапливать снег паяльной лампой, чтоб набрать воды в радиатор. Стояли, как показалось, часа три, а на самом деле почти вдвое меньше. Мороз достал крепко, хотя с экипировкой у нас было все нормально. Я тогда подумал, что вот, мол, и вкусил почем фунт водительского лиха, вот и прикоснулся к бытию его тяжкому. Однако сейчас, спустя время, вспоминая размещенные в нем события, наблюдения, беседы, я уже думаю иначе. Нет, бытие это одним прикосновением не ощутить. Глянуть на руки свои и его, водителя Севера, да и сравнить...

...Который час трясемся вместе с Анатолием Кузьминым, бригадиром водителей 15-й мехколонны. Стонет, надывается тяжеловесный КрАЗ. Кажется, вот-вот что-то оборвется в его могучем организме. Однако по неизменной ухмылке Кузьмина в разухабистые гуцульские усы да неспешной его речи догадываюсь, что ничто самосвалу не угрожает и дела у водителей идут, катятся совсем неплохо. И верно: от карьера до насыпи не больше километра, выработка хорошая, поломок нет. Правда, карьер не сильно богатый, но как только иссякнет, заведут под экскаватор лыжи, которые лихие здешние умельцы справили из труб большого диаметра, подцепят к тому же КрАЗу, да и вперед, в другой карьер, благо путь до него на этот раз недалек. Любо-дорого смотреть на летящий по тундре экскаватор.

Кузьмин не больно велик и статен, но огромная кразовская баранка в его руках словно тонет. Наверное, это от манеры, от формы обращения с машиной. Тут и ловкость, и любовь, и понимание всей значительности ДЕЛА, которое он сейчас вершит, а потому — ощущение своей незаменимости. И я в эту незаменимость уже который час верю!

Вот он подъехал к карьру, развернулся, подал назад, к экскаватору. Полным газом подал. Пять метров ходу-то, а словно чечетку отбил да и причмокнул. И замер. Конечно же, точь-в-точь под ковш. И не нужен ему гудок машиниста экскаватора Андрея Власа: «Стоп!», а потом: «Трогай!» Как спринтер, подгадавший выстрел стартера, срывается Кузьмин с места, бьет по газам и с тем же ревом и посвистом молодецким мчит-ся к полотну. Снова два разворота, полный газ назад, долой свои шесть кубов — и с места в карьер. К карьру!

А вот там задержка. Нужно вскрыть новый участок. Срочно — бульдозер. Он работает на полотне, и, значит, всего на полчаса передышка. А если б карьер был далеко от полотна... Не хватает бульдозеров. Да и те, что есть, не всегда боеспособны.

В конце осени мехколонна получила новый бульдозер из Чебоксар. Поработал он день-другой и больше не захотел. Полезли внутрь: оказалось, вышло из строя гидравлическое оборудование, плохо его собрали на заводе. Что поделаешь, рукавицы на снег — и за работу. Разобрали, собрали, четыре дня на то ушло. Четыре заледенелых дня.

Еще полторы смены проработала машина, и тут развалилась пружина клапана. Он оборвался, повредило поршень. Тогда поняли, что больше своими силами ничего не сделаешь. Сообщили на завод-изготовитель. Однако и вспомнили, что в соседней мехколонне был такой же случай с чебоксарским бульдозером. И как с завода ответили: «Без нашего представителя нельзя было запускать двигатель». Интересно, каким штатом специальных представителей располагает завод, чтобы «оснащать» ими каждый уходящий к потребителю бульдозер? В общем, прошло уже почти полгода, а Д-330 памятником стоит. В мехколонне ждут представителя завода. Не ждет только дорога. Не ждет Ямбург.

Опять же самосвалы. У западногерманского «Магируса» по одиннадцать листов в каждой рессоре. Усилили, добавили еще по три. Хватает, но ненадолго. Рушатся рессоры. Еще у одной машины «полетела» крестовина карданного вала. У «Татры» — сцепление. У КраЗа — водяная помпа, у другого — редуктор среднего моста. Если из тринадцати самосвалов мехколонны в строю семь, как было в тот день, это еще ничего.

— Машины у нас неплохие, — говорит Кузьмин, — но не выдерживают.

Выдерживают люди. Неделей раньше гонял Анатолий за топливом для мехколонны. Две ездки сделал, триста километров за ночь, по 30 километров в час. Да еще время на залив и слив. Да еще заглох в пути. Глянул под капот: забит топливный фильтр.

— Соляр был не тот, — мы все трясемся с ним от карьера к полотну и обратно, — не тот был соляр. Вот фильтр и пришлось менять... Руки обморозил? Да они у меня давно привыкли к этому, видишь, какие пухлые. Они без мороза вроде как уже и не могут. Какой мороз был? Не подумал, не знаю. Это когда я в Сочи на самолете лечу, мне сообщают, сколько градусов на улице. А здесь не сообщают. Но за полста было, это точно... Шестнадцать лет за баранкой... Да, сразу после армии... Не-е-е, совсем молодых не держим, не тянут они здесь. Эта дорога не для пацанов... В прошлый раз погнали наши за соляром... Нет, не я, двос моих парней погнали. Несколько рейсов надо было сделать... Ага, цистерна для нас пришла. Хороший зимний соляр, тот, что доктор прописал. Погрузили на самосвалы две большие емкости да еще одного шофера прихватили с бензовозом, чтоб его насосом перекачать дизтопливо. Ну, и получилось, водитель бензовоза несколько часов проторчал на свежем воздухе: краны открывал и закрывал, шланги таскал. И вот в последний раз ребята к нему подъезжают и видят: плачет малый, совсем промерз. Хороший парнишка, но не окреп еще. Трудно здесь молодым... Вахта у нас по двадцать дней, а потом на вертолет — и домой, в Ноябрьск... Есть, а как же! Пока четверо, того гляди пятый будет, — хохочет. — И не последний!..

Темнело. До конца смены оставалось чуть больше часа. Кузьмин делал тридцать вторую ездку. Начавшийся незаметно снег теперь уже сыпал вовсю, но Анатолий словно того и не видел...

... — Сегодня? Восемнадцатый, нет, уже девятнадцатый день вахты... Ага, еще денек — и домой... Ага, без выходных, по десять часов... Я? Нет, не устал... Вот чудак, не верит, да говорю тебе: не устал нисколько. Потому что здоровье о-го-го! Хочешь поделюсь?.. Отдыхать не умею... Ну, то есть как понимать... Больше всего рыбалку уважаю. Летом только с вахты — и на озера... У нас богато, приезжай... А как же? «Нива» у меня... скоро здесь кончаем, а дальше нас перебрасывают на сто двадцатый километр. Там похуже, там с грунтами плохо. Придется самим поискать карьер... А как же? Мы иногда сами себе геологи... Почему нет развалыщицы на насыпи? Куда ж ее, бедную, на такой мороз? Женщину беречь надо. Так сами и справляемся. Научились... Опять же о дизтопливе. Арктический соляр — это уже роскошь, мечта. Мало нам такого достается зимой. Летом иногда его чаще дают. Зачем летом арктический? Это вопрос для клуба «Что? Где? Когда?». Зачем зимой летний соляр? Тоже не угадаешь...

Анатолий посигналил фарами ехавшему нам навстречу «Магirusу», за рулем которого сидел Николай Сокол. Остановились, опустили стекла.

— Коля, сейчас пойдет расширение. Будем сыпать в три машины. Две по краям, одну посередине... Да, колышки. Видел? Ну, лады.

...Тридцать четвертый рейс. Экскаватор уже с трудом угадывается

в белой пелене: два тусклых световых пятна. И уже, конечно, не так лихо подруливает к нему Кузьмин. Еле-еле отыскивает он и насыпь.

— Все. Хватит на сегодня. Сворачиваемся. Сейчас к карьеру, ребята все там. И бульдозерист. Экскаваторщиков прихватим... Да доберемся с боженькиной помощью... И до мехколонны тоже. Три с половиной километра, только и всего-то.

Когда все собрались у карьера, снег валил лавиной, словно сбитой с нависшего гребня огромной горы, мощным зарядом, сверху, снизу, со всех сторон. Вертел и кружил. Вой ветра перешибал даже рев мотора. Трудно было поверить, что Кузьмин с ребятами найдут сейчас дорогу. Но Анатолий гадать не собирался. Спокойно пояснил, что на все есть проверенные способы.

В этот момент чья-то рука открыла снаружи дверцу нашей машины и показалась голова помощника машиниста экскаватора Сережи Беспальченко:

— Толик, я пошел вперед.

Кузьмин молча кивнул.

— ...Шаг... Шаг... Шаг... Бьется со взбесившейся тундрой Серега Беспальченко. Ведет Серега колонну, несет ее на своих плечах. Ломает и гнет его страшный ветер. Вот споткнулся Серега и упал. Встал. Шаг... Снова шаг. Снова лег и снова встал. Шаг... Шаг... Шаг...

— Проблемся, пробьемся, — твердит Кузьмин. — Серега дорогу не упустит. Он ее подошвой чувствует.

Наша машина почти упирается бампером в спину Беспальченко. Проходит час, может, два. Кузьмин сигналил Сергею: «Стоп!» Сам выпрыгивает из машины. Через несколько минут появляется:

— Порядок. Все на месте. Погнали дальше...

А потом, уже глубокой ночью, мы сидели с ребятами в вагончике, и кто-то вспомнил, как восемь лет назад, закончив дорогу на Сургут, шла колонна бульдозеров из Ультьягуна в Ноябрьск. Пять суток в неотапливаемых машинах. Спали в кабинах. И было ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ГРАДУСОВ — братцы вы мои! — по Цельсию. Но дошли. Все дошли. Без насморка.

Вспомнили, как уже в нынешнюю лютую зиму однажды сгорели сразу, словно поговору, оба электродвижка и вся мехколонна оказалась без тепла и света. Как шесть часов, пока шел ремонт — теми же сто-кратно замороженными, опухшими руками, — рабочие сидели в трех холодеющих вагончиках и паяльными лампами — абы как! — грели трубы отопления. Да и вспомнили все это невзначай. И мне теперь казалось, будто несколько часов назад на сорок восьмом километре строящейся железнодорожной магистрали Уренгой — Ямбург ничего особенного не происходило.

Малые мосты обычно строятся быстрее и проще. Но на севере Тюменского края зависимость трудов от габаритов иная, более сложная. Потому что мерзлота, это раз. Потому что мерзлота, это и два. Такая мерзлота, какую мостостроители пока не встречали. Никогда и нигде. На центральном участке БАМа тоже мерзлота. Но там она другая, более «активная». А здесь вялая, нетвердая, более высокотемпературная, а потому и менее предсказуемая. Изучить ее мостовикам в деле, в работе не было пока случая. На БАМе сплошь да рядом строителей на глубине ожидал скальный грунт. Как только бурильщики доходили до него, сомнений уж никаких не оставалось: поставили в скалу мостовую опору, никуда она не денется, не поползет. На Ямбургской дороге скальных грунтов нет. А грунт чаще всего плохо промороженный, текучий, вялый. Кисель, студень. Но осваивать его нужно, и не только потому, что требуют Ямбург. Ведь будут другие дороги. И, может быть, потруднее.

...В вахтовом «Урале» нас много. Приехал из Москвы заместитель начальника главного управления по строительству мостовых сооружений Министерства транспортного строительства СССР Владислав Альбертович Котер. С ним управляющий трестом Мостострой-II Валентин Федорович Салохин. Его трест — один из крупнейших мостотрестов страны. Сколько писали о Салохине! Вспомнить хотя бы его знаменитый мост в Тобольске через Иртыш. Валентин Федорович командовал тогда мостоотрядом. Здесь же начальники мостоотрядов Донадзе, Евликов (старый знакомый, бамовец, теперь перебрался сюда), Коваленко. Ну, и Саханцев, конечно.

День ясный и солнечный, но снова бьется с дорогой машина. Бьется высокопроходимый «Урал». Бьется всеми своими тремя мостами и парой сотен «лошадей». Порой кажется: всё, встали, забурились, утонули в снегу, как другие машины. Дернули мы одну из этих машин, дернули другую, на третьей осеклись: рыхлая топь одолела и нас, и ее. И, отцепив буксирный трос да разведя руками, заметим: ну, дело ли это, чтоб такое представительное собрание тратило пусть не силы, но время на работу, столь для себя странную, столь далекую от своих профессиональных и должностных интересов и обязанностей? На строительстве железной дороги ОСТРО НЕ ХВАТАЕТ СНЕГООЧИСТИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ!

А теперь, коль скоро мы выбрались из очередной снежной ловушки, вновь обратим взоры и слух к мостостроителям.

— Почему здесь долго не бетонировали?

— Не успевали довести бетон, Владислав Альбертович, замерзал.

— А далеко было возить?

— Семь километров.

...— А с этим мостом, вижу, всё хорошо. Какая тут длина? Шестнадцать шесть метров?.. Обходной путь есть, но к паводку, я верю, основные опоры и пролеты будут возведены, так что временные опоры

надо будет успеть снять и весь обход тоже... Да, я знаю, паводок здесь хороший...

...Этот мост как будто несложный. По данным геологов, нет мерзлоты, редкий случай. Но учтите, мерзлота может оказаться.

Котер прав: «может оказаться» — такое бывало. И дело не в ошибках изыскателей и проектировщиков. Дело в непредсказуемости, в «милостях» природы.

Еще один мост — на 27-м километре. И здесь вялая мерзлота. В проекте это учтено и заложено. Мостоотряд к работе готов.

Котер: «Срочно начинайте бурение. Вы держите укладку».

* * *

Несколько дней из-за сильных морозов путеукладчик не работал, и бригада монтеров пути Виталия Кондратьева занималась балластировкой земляного полотна. Мороз оставил и здесь свой тяжелый, смерзшийся след: часть балласта пришла с Урала в таком состоянии, что выгрузка его из хопперов-дозаторов превратилась в сущую муку. Отбивали ломами. Днем раньше в Уренгое я видел целый состав с сильно смерзшимся балластом. Спросил Саханцева:

— Видимо, придется ждать до весны?

— Были такие мысли, — ответил он, — но ждать нет возможности. Такова ситуация. Мы не вправе обязывать рабочих отбивать балласт ломами. Как не вправе обязывать их работать при сверхнизких температурах. Но люди на работу идут.

Наконец, укладка двинулась дальше на север... Машинист путеукладочного крана Виктор Гусарев перетянул с первой платформы пакет с семью рельсовыми решетками. И вот первая из них повисла в воздухе и поплыла к голому полотну, где ее ждали протянутые руки. Решетку пристыковали, поставили накладки, соединили.

Путь к Ямбургу стал короче на двадцать пять метров.

Тюменская область

СОДЕРЖАНИЕ

Эхо прощального гудка	3
Кто, если не ты?	9
Восхождение Юрия Круглова	20
Зимник	26
Было всё как на войне	31
Бег к вершине	36
Дорога на Ямбург	40

Вадим Викторович ЛЕЙБОВСКИЙ

БЫЛО ВСЁ КАК НА ВОЙНЕ

Очерки

Редактор А. В. Караулов.

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова.

Сдано в набор 11.11.88. Подписано к печати 04.01.89. А 04404. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Учетно-изд. л. 3,22. Тираж 150 000 экз. Зак. № 3320. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!**

**ЕСЛИ ВЫ СМЕНИЛИ МЕСТО
ЖИТЕЛЬСТВА...**

**...не торопитесь получить деньги
со своего счета!**

Вы можете дать поручение перевести свои сбережения в любое учреждение Сберегательного банка СССР для зачисления на счет по вкладу или для выплаты переведенной суммы.

Перевести можно весь вклад или его часть, а также наличные деньги для выплаты их в учреждениях Сберегательного банка СССР других городов и районов.

Вы можете получить вклад до поступления перевода на основании телеграфного подтверждения, а также затребовать перевод вклада по телеграфу.